

Круглый стол в ПДВ

О подготовке в КНР к XIX съезду Коммунистической партии Китая

В феврале 2017 г. в редакции журнала «Проблемы Дальнего Востока» состоялся круглый стол, посвященный подготовке в КНР к очередному XIX съезду компартии Китая, намеченному на вторую половину нынешнего года.

С докладами и сообщениями, затрагивающими ключевые аспекты внутренней и внешней политики китайского руководства накануне этого судьбоносного для страны события, выступили ведущие эксперты Института Дальнего Востока РАН и Института стран Азии и Африки МГУ. Некоторые из них являются членами редколлегии и сотрудниками редакции нашего журнала.

Ниже публикуется изложение их выступлений:

В.Я. Портяков, доктор экономических наук, заместитель директора ИДВ РАН, главный редактор ПДВ:

Уважаемые коллеги!

Как мы знаем, проведение XIX съезда правящей компартии Китая намечено на вторую половину 2017 г. Судя по информационному фону доступной нам китайской печати, подготовка к съезду проходит в непростых условиях. Симптоматичны призывы отвечающих за государственную и общественную безопасность Го Шэнкуня и Мэн Цзяньчжу обеспечить стабильную обстановку в стране в связи с предстоящим съездом.

Не могут не вызывать вопросов значительные масштабы кадрового обновления. Отчасти они объясняются традиционной для КНР ротацией кадров. Однако более 20 кадровых работников на уровне губернаторов и вице-губернаторов провинций смещены за те или иные упущения в работе, в т.ч. некоторые из них с формулировками «за подрыв единства партии», «за нарушение партийной дисциплины». Характерный пример — исполняющий обязанности секретаря парткома, мэр Тяньцзиня Хуан Синго, которому вменяется критика основной линии и подрыв единства партии. Это наводит на мысль о наличии разногласий и даже политической борьбы в руководстве КПК и КНР, в том числе в связи с экстраординарными амбициями первого лица государства и его так называемой антикоррупционной борьбой, нарушившей сложившийся баланс сил. В перемещениях явно присутствует желание первого лица укрепить свою кадрово-политическую базу. Так, новые мэры Пекина и Шанхая — Цай Ци и Инь Юн — ранее работали в Чжэцзяне, где в свое время секретарем парткома был Си Цзиньпин. По сообщениям гонконгских СМИ, масштабные перемещения ожидаются и в армии.

Теоретически XIX съезд КПК должен был бы походить на XVII. Именно тогда, в 2007 г., Си Цзиньпин и Ли Кэцян получили продвижение практически на позиции офи-

циальных преемников Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао. После XVIII съезда в качестве кандидатов в лидеры Китая шестого поколения стали упоминаться Ху Чуньхуа и Сунь Чжэнцай, которые ныне возглавляют соответственно Гуандун и Чунцин. Однако нет признаков активной популяризации этих фигур и их деятельности в китайских СМИ. Неясны перспективы обновления на съезде персонального состава Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК.

Китайская экономика на протяжении 2016 г. функционировала несколько лучше, чем предполагалось годом ранее. Тем не менее, судя по всему, сохраняют свое долговременное действие такие неблагоприятные факторы, как плохая мирохозяйственная конъюнктура и необходимость дальнейшего сокращения избыточных производственных мощностей в самом Китае. Пекин, похоже, всерьез озабочен проблемой так называемого «делеверэджа» — избавления от зависимости экономического роста от чрезмерной кредитной накачки и увеличения совокупной задолженности государства. Предпринимаются попытки потихоньку «сдуть» опасный «пузырь» на рынке недвижимости.

Во внешней политике Китай все активнее претендует на одну из главных ролей в сфере глобального управления. На обширном географическом пространстве продолжается раскручивание экономической дипломатии «Шелкового пути». В то же время отсутствуют признаки серьезного улучшения отношений с Японией и Индией — главными соперниками Пекина за лидерство в Азии. В связи со сменой власти в США возможны некоторые осложнения в китайско-американских отношениях.

Предлагаю коллегам обсудить в корректной, объективной форме складывающуюся в Китае предсъездовскую ситуацию, прежде всего, во внутривнутриполитической сфере и высшем эшелоне руководства, и, возможно, попытаться спрогнозировать вероятность появления тех или иных новаций на XIX съезде КПК.

Е.Н. Румянцев, к. филол. н., руководитель Центра научной информации и документации ИДВ РАН:

Подготовка к XIX съезду КПК проходит в условиях дальнейшего осложнения социально-экономической ситуации в стране, которое выражается в замедлении темпов роста экономики. В 2016 г. они, как известно, официально составили 6,7%, по некоторым независимым оценкам — не более 4%. Напряженная ситуация существует в финансовой сфере, где к проблеме «плохих долгов» добавились сокращение золотовалютных резервов, утечка капитала за границу и др. Сохраняется хроническая напряженность на рынке труда.

Сократились возможности властей решать социально-политические проблемы с помощью новых денежных вливаний. Возникла необходимость шире использовать для этого политические и пропагандистские инструменты. Наблюдается усиление давления на СМИ, инакомыслящих и правозащитников, ужесточается политика в отношении национальных меньшинств, прежде всего, в Синьцзяне и Тибете. Не ослабевает антикоррупционная кампания, в ходе которой стремление побороть коррупцию, или хотя бы сократить ее масштабы, сочетается с систематическим использованием этой борьбы как инструмента внутривнутриполитического фракционного противоборства.

Представляется, что для нынешней обстановки в КПК и КНР характерно медленное, но неуклонное повышение уровня внутривнутриполитической напряженности. Ее признаками, кроме фракционной борьбы в руководстве, являются постоянные смещения и перемещения руководящих кадров. Беспрецедентным событием стало распространение в китайском сегменте Интернета двух анонимных писем с призывом к главе партии и государства Си Цзиньпину уйти в отставку. В них содержится острая критика ряда направлений внутренней и внешней политики современного китайского руководства и угрозы в адрес лично китайского руководителя и членов его семьи. По Интернету гуляет анонимное письмо в адрес одного из высших военных руководителей КНР, в котором китайскую армию фактически призывают к военному перевороту.

По данным гонконгской печати, в рамках фракционной борьбы, характеризующейся противоборством окружения Си Цзиньпина с «шанхайской» и «комсомольской» группировками, обсуждаются возможность ликвидации на предстоящем съезде таких институтов, как Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК, назначение преемника высшего руководителя партии и государства через поколение, а также введение неписаной нормы, согласно которой члены высших партийных органов, достигшие 67 лет, могут еще один срок оставаться на занимаемых постах, даже получать повышения, а те, кому 68 и старше, должны уходить в отставку. «Речь идет о создании системы пожизненного занятия Си Цзиньпином руководящих партийных и государственных постов»¹.

В то же время идут разговоры о том, что число секретарей ЦК должно быть увеличено, а численность Постоянного комитета Политбюро оставаться на прежнем уровне, то есть 7 человек, что находится в очевидном противоречии с вышеизложенными планами. Есть информация, что коллективное письмо на эту тему, инициированное Цзэн Цинхуном и подписанное 15 отставными руководителями, передано в Секретариат ЦК, который и примет решение, передавать ли его на рассмотрение Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. Утверждается, что в письме также говорится, что предложения о «введении системы президентской власти» являются «вздорными рассуждениями подрывного характера»².

Фигуры общепризнанного преемника нынешнего китайского лидера пока не просматриваются, и появились «низовые члены партии», которые требуют увеличить срок полномочий Си Цзиньпина до 20 лет. В самой КПК сейчас в ходу формула «централизованное и единое руководство»³.

Нынешнее Политбюро ЦК КПК состоит из 25 человек, включая 7 членов его Постоянного комитета. 5 из 7 действующих членов Постоянного комитета Политбюро, за исключением Си Цзиньпина и Ли Кэцяна, по возрасту должны будут уйти в отставку. Правда, нельзя считать решенным уход в отставку Ван Цишаня, играющего ключевую роль в антикоррупционной кампании.

Остальные шестеро из 18 — секретарь Политико-юридической комиссии ЦК КПК Мэн Цзяньчжу, заместитель председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Ли Цзяньго, вице-премьеры Лю Яньдун, Ма Кай, заместитель председателя Центрального военного совета Фань Чанлун, секретарь парткома Пекина Го Цзиньлун — тоже по возрасту должны будут уйти со своих постов.

12 оставшихся можно разделить на три возрастные категории: старшие (родились в 1950 г., это зампредседателя Центрального военного совета Сюй Цилян, начальник отдела Единого фронта ЦК КПК Сунь Чуньлань, начальник Канцелярии ЦК КПК Ли Чжаньшу, заместитель Председателя КНР Ли Юаньчао), средние (родились в 1951–1959 гг., это вице-премьер Ван Ян, начальник отдела пропаганды ЦК КПК Лю Цибао, начальник орготдела ЦК КПК Чжао Лэци, бывший секретарь парткома Синьцзяна Чжан Чуньсянь, секретарь парткома Шанхая Хань Чжэн, директор Института политических исследований ЦК КПК Ван Хунин) и младшие (родившиеся в 1960-е годы Ху Чуньхуа и Сунь Чжэнцай).

В соответствии со сложившейся практикой, вакансии в Постоянном комитете Политбюро замещаются только членами Политбюро. Места в следующем составе Постоянного комитета, очевидно, тоже будут заполняться членами Политбюро нынешнего созыва. Если численный состав Постоянного комитета сохранится в составе 7 человек, то из вышеперечисленных 12 нынешних членов Политбюро в Постоянный комитет будущего созыва войдут пять. Такими претендентами, на наш взгляд, являются Ли Чжаньшу, Хань Чжэн, Ван Ян, Чжао Лэци, Ху Чуньхуа, Сунь Чжэнцай, Ван Хунин. Иногда в их число включают Ли Юаньчао и Чжан Чуньсяня, однако Ли оказался слишком тесно связан с бывшим начальником Канцелярии ЦК КПК предыдущего созыва Лин Цихуа, а положение Чжана пошатнулось после его перевода из Синьцзяна в Пекин.

Из 25 членов действующего Политбюро по возрасту в отставку должны будут уйти 11 человек. Ситуация с теми, кто займет их места, неясна. На них могут в первую очередь претендовать не являющиеся в настоящее время членами Политбюро секретари ЦК КПК. Сейчас таких — трое. Из них двоим — заместителю Председателя Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая Ду Цинлиню и заместителю секретаря Центральной комиссии по проверке дисциплины Чжао Хунчжу в 2017 г. будет около 70 лет, и их вхождение в новый состав Политбюро маловероятно. Проходной кандидатурой является член Госсовета, глава секретариата Госсовета Ян Цзин, которому сейчас 63 года.

Велика вероятность вхождения в Политбюро начальника Канцелярии Руководящей группы ЦК КПК по финансам и экономике 67-летнего Лю Хэ. В числе кандидатов обязательно будут и будущие секретари парткомов Пекина и Тяньцзиня. Велика также вероятность вхождения в новый состав Политбюро секретаря парткома Шэньчжэня Ма Синжуя, что обусловлено особым положением и ролью этого города в политике и экономике Китая. Многие в КНР считают, что административный статус Шэньчжэня должен быть повышен до уровня центрального подчинения, поэтому введение его руководителя в Политбюро выглядело бы вполне естественным.

Среди руководителей в ранге заместителя главы государства, которые могут надеяться на включение в новый состав Политбюро, — курирующий вопросы внешней политики член Госсовета Ян Цзечи (в этом году ему исполнится 67 лет), министр общественной безопасности Го Шэнкунь (63 года), некоторые заместители Председателя Постоянного комитета ВСНП. Среди занимающих посты уровня министра Центрального правительства по возрастным критериям могут рассчитывать на это первый заместитель начальника орготдела ЦК КПК Чэнь Си (63 года), министр промышленности и информатизации Мяо Юй (61 год), министр контроля Хуан Шусянь (62 года).

Минимум два места в Политбюро займут представители вооруженных сил, которыми, скорее всего, станут заместители Си Цзиньпина по Центральному военному совету.

В июне—августе 2016 г. Центр осуществил упорядочение первых лиц в руководстве провинций. В июне были заменены секретари парткомов Цзянсу, Цзянси, Шаньси, в августе — Хунани, Юньнани, Тибета, Синьцзяна, Внутренней Монголии, Аньхой. Таким образом, после XVIII съезда КПК (2012 г.) заменено более половины руководителей провинциального уровня. Из девяти пришедших им на смену четверо переведены: Ли Цян — с должности губернатора пров. Чжэцзян на Цзянсу, Ло Хуйнин — с должности секретаря парткома пров. Цинхай на Шаньси, Ли Цзихэн — с должности секретаря парткома пров. Юньнань на Внутреннюю Монголию, Чэнь Цюаньго — с должности секретаря парткома Тибета на Синьцзян.

Пятеро руководителей были повышены с должностей губернаторов до секретарей парткомов в тех же самых провинциях: Лу Синьшэ стал первым лицом в пров. Цзянси, Ду Цзяхао — в пров. Хунань, Чэнь Хао — в пров. Юньнань, У Инцзе — в Тибете, Ли Цзиньбинь — в пров. Аньхой. Ло Хуэйнин и Ли Цзихэн получили равные назначения.

Что касается Чэнь Цюаньго, назначенного из Тибета в Синьцзян, то, на первый взгляд, это тоже назначение на равноценную должность, однако по традиции он как глава Синьцзяна должен войти в Политбюро. Чэнь Цюаньго считается стопроцентным членом «комсомольской группировки», однако в истекшем году, как считают многие наблюдатели, он завоевал доверие Си Цзиньпина активным «выражением позиции» в поддержку китайского лидера в наиболее острых политических вопросах, включая вопрос о «ядре» руководства.

Видимо Чэнь Цюаньго и новый глава Тяньцзиня Ли Хунчжун по итогам XIX съезда займут две из 12 вакансий, которые к тому времени образуются в Политбюро. Еще одной реальной кандидатурой является назначенный в сентябре 2016 г. первым заместителем главы Шанхая 59-летний Ин Юн, входящий в окружение Си Цзиньпина. На

предстоящем съезде, в соответствии с существующей в КПК практикой, Хань Чжэн, скорее всего, войдет в состав Постоянного комитета Политбюро и уедет в Пекин, а Ин Юн станет секретарем парткома Шанхая и членом Политбюро ЦК КПК.

На конец 2016 г. близкими к Си Цзиньпину являлись первые руководители 6 из 31 административно-территориальной единицы Китая. В том числе четверо выходцев из Фуцзяни и Чжэцзяна — Ся Баолун, Байян Чулуу, Чэнь Миньэр и Ли Цян. Двое — Ду Цзяхао и Чэнь Хао — работали под началом Си Цзиньпина в Шанхае. Из этих шестерых пятеро после XVIII съезда КПК были повышены «в ударном порядке» в обход процедур, связанных со сменой созывов. Только секретарь парткома Чжэцзяна Ся Баолун был назначен на должность по итогам XVIII съезда КПК. Он родился в 1952 г., но в отставку еще не отправлен. Возможно, основанием для такого решения явились его заслуги в проведении в Ханчжоу саммита «двадцатки». Он тоже является сильным кандидатом в новый состав Политбюро.

Таким образом, вырисовываются еще три кандидатуры в Политбюро нового созыва, двое из которых, Ин Юн и Ся Баолун, — люди, близкие к Си Цзиньпину, а третий, Чэнь Цюаньго, имеет перед китайским лидером заслуги, о которых было сказано выше.

Помимо должностей секретарей парткомов провинций, сторонники Си Цзиньпина на протяжении 2016 г. активно занимали и должности губернаторов провинций и министров Центрального правительства. Так, вместо Лу Синьшэ и.о. губернатора пров. Цзянси назначен Лю Ци, вместо Ли Сяопэна и.о. губернатора Шаньси назначен Лоу Яншэн, оба они входят в число выходцев из Фуцзяни и Чжэцзяна. Чэнь Баошэн, который в июле сменил Юань Гуйжэня на посту министра образования, был подчиненным Си Цзиньпина по Центральной партийной школе.

Наблюдатели считают, что особого внимания заслуживают перспективы карьерного роста ряда руководящих работников центрального партийно-государственного аппарата КНР, тесно связанных с нынешним китайским лидером по работе в провинциях Фуцзянь, Чжэцзян, а также в Шанхае. Это, в частности, первый заместитель начальника орготдела ЦК КПК Чэнь Си (был соседом Си Цзиньпина по комнате, когда они учились в университете Цинхуа); начальник Канцелярии Руководящей группы ЦК КПК по финансам и экономике Лю Хэ (учился вместе с Си Цзиньпином в школе); первый заместитель начальника Канцелярии ЦК КПК Дин Сюэсян; заместитель начальника Канцелярии Центрального военного совета Чжун Шаоцзюнь; секретарь Комиссии по проверке дисциплины министерства общественной безопасности Дэн Вэйпин; заместитель министра общественной безопасности Ван Сяохун; первый заместитель начальника Отдела пропаганды ЦК КПК Хуан Куньмин; первый заместитель начальника Канцелярии Комитета национальной безопасности ЦК КПК Цай Ци; заместитель начальника Канцелярии Руководящей группы ЦК КПК по всестороннему углублению реформ Чэнь Исинь; заместитель начальника Канцелярии Руководящей группы ЦК КПК по финансам и экономике Шу Гоцзэн и некоторые другие.

Среди вышеуказанных лиц наиболее вероятный кандидат в новый состав Политбюро — «очень важный»⁴ для Си Цзиньпина человек Лю Хэ. По некоторым оценкам, реальными кандидатами являются также Дин Сюэсян и Чэнь Си.

Проводится работа на перспективу. В этом плане необходимо указать на решения по Коммунистическому союзу молодежи Китая и особенно центральному аппарату этой организации. Они, безусловно, направлены на дальнейшее ослабление влияния «комсомольской группировки» в КПК. Одновременно, как пишет гонконгская печать, во всех провинциях и городах центрального подчинения подобраны группы кадровых работников уровня начальников отделов 30–40-летнего возраста с высоким уровнем образования. Си Цзиньпин выдвинул жесткое требование, чтобы эта «молодая поросль» не имела никаких связей с Чжоу Юнканом, Лин Цзихуа, Лю Юаньчао, «нефтяной» груп-

пировкой, «комсомольской» группировкой, цзянцзэминьцами, фракциями на местах. Не исключено, что к XX съезду КПК они составят новую опору Си Цзиньпина⁵.

А.Н. Карнеев, к. и. н., заместитель директора Института стран Азии и Африки МГУ:

В нынешнем году Китай ожидает важное политическое событие — запланированный на осень XIX съезд КПК, на котором будут определены новые вехи в углублении политики реформ и открытости, произойдет существенное обновление правящей элиты, а власть Си Цзиньпина должна получить укрепление. Наступивший год будет, вероятно, важным в первую очередь с точки зрения политико-идеологических процессов. Недаром на совещании по политико-правовой работе Си Цзиньпин подчеркнул, что приоритетом на 2017 г. является обеспечение «политической безопасности», особенно «безопасности действующей власти».

За счет усиления идеологической работы в предшествующий период руководство КПК постаралось добиться большей идейной сплоченности в обществе вокруг целей, выдвинутых партией, в том числе за счет беспрецедентной по масштабу антикоррупционной кампании, а также — усиления давления на группы, высказывающие альтернативные подходы и мнения, будь то либералы-западники, или сторонники левых или левацких идей.

Некоторые западные эксперты критикуют политику Си Цзиньпина как отход от более терпимой и умеренной политики времен Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао, при которых в обществе появились пространство для дискуссий и относительная свобода открыто критиковать оппонентов, включая те или иные стороны работы правительства.

Фирменным знаком правления Си стали: стремление идеологически «подморозить» общественную жизнь, гораздо более пристальное внимание к идеологической сфере, указание укреплять идеологическую работу в кампусах университетов, серьезные ограничительные меры в отношении дискуссий в виртуальном пространстве, жесткие требования к официальным СМИ быть «рупором партии» и т.п.

В какой-то степени мотивы властей понятны. С одной стороны, в сознании руководства присутствует угроза пресловутой «жасминовой революции» (после известных «цветных революций» и «арабской весны»). С другой — серьезная степень публичного ажиотажа к 2012 г., когда схватки публицистов и интеллектуалов разных мастей и противоположных идейных лагерей вокруг так называемой чунцинской модели, начинали внушать беспокойство в отношении последовательности политического курса. Меры Си и его соратников, таким образом, поддаются логическому объяснению: на новом этапе в развитии страны, казалось, найдена формула статус-кво, позволяющая и дальше заниматься «реформами и открытостью». Тем не менее вопрос с объективно развивающимся в недрах китайского общества идейно-политическим плюрализмом никуда не делся.

В первые недели 2017 г. в Китае ширился резонанс от так называемого инцидента с Дэн Сянчао — профессором Шаньдунского строительного университета, опубликовавшим в Интернете резкие высказывания в адрес Мао Цзэдуна и уволенным за это с работы.

В своем «критическом комментарии» 26 декабря 2016 г., в 123-ю годовщину со дня рождения Мао, он написал: «Если бы Мао умер в 1945 г., в Китае в результате гражданской войны не умерли бы 600 тыс. человек и от голода — 3 млн человек. Если бы он умер в 1966 г., не умерли бы в результате «борьбы» еще 20 млн человек. И только в 1976 г., когда Мао умер, китайский народ, наконец, смог получить возможность нормально питаться. Единственное правильное, что он сделал — это то, что он умер». 4 января 2017 г. перед зданием Строительного университета в Цзинани была устроена шумная демонстрация сторонников Мао с транспарантами и требованиями наказать Дэна за «оскорбления в адрес Председателя». В рядах возмущенных маоистов было свыше ста человек. Демонстранты вступили с драку с людьми, вышедшими на улицу в защиту Дэн Сянчао (последних набралось на порядок меньше — около дюжины⁶).

Страсти кипят и на страницах газет, и на сайтах различных сетевых изданий. В защиту Дэна и с осуждением демонстрантов-маоистов выступили некоторые либеральные интеллектуалы, такие, как профессор Пекинского университета Хэ Вэйфан, профессор Народного университета Чжан Мин, адвокат Чжан Сюэчжун и др. По их мнению, атака на Дэн Сянчао — это нарушение защищенного конституцией КНР права на свободу слова, а угрозы маоистов в адрес Дэна — уголовно наказуемые деяния.

В итоге, 6 января 2017 г. стало известно, что Дэн Сянчао, который, как выяснилось, помимо должности профессора в университете, был еще и советником провинциального правительства Шаньдуна, а также членом постоянного комитета шаньдунского ПКСК (Политический консультативный совет Китая), «за ложные высказывания» лишен всех постов и должностей и отправлен на пенсию «по ускоренной процедуре».

Как отмечают СМИ, увольнение Дэн Сянчао было только началом. Позднее информационные агентства сообщили, что уволен Лю Юн, продюсер кинокомпании в г. Ло-хэ (пров. Хэнань), выступивший в социальных сетях в поддержку Дэна. Затем был уволен Цзо Чуньхэ, заместитель директора Управления культуры и СМИ города Шицзячжуана в пров. Хэбэй за «ложные высказывания» и «серьезные нарушения дисциплины». Теперь активисты левых организаций, почувствовавшие в борьбе с идейной крамоллой некоторую поддержку со стороны властей, призывают простых граждан и интернет-пользователей «выдвигать обвинения» против деятелей либерального лагеря, ответственных, по их мнению, за насаждение «исторического нигилизма» и «общечеловеческих ценностей». Статьи на сайтах левого толка призывают «окончательно разобраться» с такими «предателями, как Хэ Вэйфан, Мао Юйши, Чжан Вэйин и др.»

Некоторые комментаторы удивляются, почему возникло столько шума вокруг дела Дэн Сянчао. Ведь и ранее в КНР были шумные протесты приверженцев социализма и сторонников идей Мао Цзэдуна, требовавших наказать тех авторов, кто подвергал Мао публичной критике. После скандала с Бо Силаем левые, правда, получили серьезный удар и на время затихли. И даже после восстановления работы левых интернет-изданий на протяжении некоторого времени чувствовалось, что левый лагерь побаивается возможных репрессалий и проявляет максимальную осторожность.

С другой стороны, целый ряд событий прошлого года свидетельствует о том, что их влияние восстанавливается. В их числе — фактическое закрытие в прошлом году журнала *Яньхуан чунъю* (в результате замены его руководства во главе с издателем, 93-летним Ду Даочжэном, главным редактором Сюй Цинцюанем, заместителем главного редактора Ху Дэпином, сыном Ху Юбана), закрытие либерального сайта *Гунши ван*, ужесточение правил, касающихся деятельности в Интернете и другие события.

Но резонанс «дела» Дэн Сянчао связан прежде всего с тем, что практически впервые полемика в Интернете между левыми и правыми вылилась в столь ожесточенное противостояние, выплеснулась на улицу и напрямую повлияла на действия властей. Означает ли развитие событий вокруг инцидента с Дэн Сянчао, что «левый поворот» постепенно становится реальностью?

Еще в декабре внимание наблюдателей привлек факт повышенной активности левых деятелей и организаций, использовавших 123-ю годовщину со дня рождения Мао Цзэдуна для проведения публичных мероприятий и акций в разных частях страны. На фоне ряда обстоятельств наблюдатели считают, что в целом баланс в идейно-политической области немного сместился в сторону левопатриотической части идейного спектра. Сайт *Довэй синьвэнь* отмечает, что левые и правые в настоящий момент практически маргинализированы мерами властей, хотя можно говорить о том, что у левых пространства для высказывания мнений стало больше.

В январе 2017 г. появилась информация, что в Пекине Канцелярией по надзору в сфере электронных СМИ за различные нарушения закрыты 17 сайтов, среди которых

Тяньцзэ яньцзюсо, ассоциируемый с известным китайским экономистом и общественным деятелем либерального направления Мао Юйши.

В то же время внимание общественности привлекло выступление в печати Чжоу Цяна — Председателя Верховного народного суда КНР — по вопросу о дебатированной в юридических кругах Китая проблеме «независимости судебной власти». Чжоу Цян недвусмысленно высказался против «западной» системы разделения властей и независимости судебной власти, а также пресловутых универсальных ценностей. По сведениям зарубежной печати, с протестом против позиции Чжоу Цяна выступили около 70 ученых, правоведов, адвокатов, других представителей общественности. Среди подписантов соответствующего письма был и Мао Юйши, что, как считает ряд наблюдателей, возможно, объясняет меры ограничительного характера против возглавляемого им Института Тяньцзэ⁷.

Возвращаясь к «делу» Дэн Сянчао, отметим, что в публикациях левых авторов все это описано как «победа народных сил». По их мнению, она опирается также на предыдущие победы в идеологических схватках, таких как спор по вопросу о подлинности событий подвига «пяти героев Ланьяшаня», спор по поводу Цю Шаюня (героя войны в Корее), закрытие журнала «*Яньхуан чуньцю*» и ряд других. Примечательно, что в статье с «анализом инцидента с Дэн Сянчао» автор отмечает, что в данном случае важнейшую роль в победе сыграла поддержка провинциальных властей Шаньдуна и других провинций. В период до XVIII съезда «такое себе невозможно было представить», отмечается в статье⁸.

Заинтересовавшись феноменом растущих возможностей китайских левых, сайт *Довэй синьвэнь* взял подробное интервью у одного из лидеров левого лагеря Чжан Хунляна. Любопытно, что в нем содержится призыв не переоценивать степень потенциальной поддержки левому лагерю со стороны верховной власти. По его мнению, можно говорить лишь о том, что давление властей на левых (*цзонай*), прежде более сильное, чем на либералов и западников, теперь стало ослабевать. Но это отнюдь не означает, что власти готовы поддержать сторонников левых идей. Напротив, Чжан Хунлян отметил, что даже ставшая визитной карточкой современного китайского руководства антикоррупционная кампания проводится без опоры на народные массы и поэтому обречена на неуспех⁹.

А.В. Виноградов, д. полит. н., руководитель Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН:

Необходимость смены экономической модели, ставшая очевидной на рубеже 2010-х годов, потребовала создания особых политических условий. На предыдущем этапе аналогичные по сложности рыночные реформы второе поколение китайских руководителей смогло провести прежде всего потому, что обладало высоким авторитетом в партии, было едино в желании отказаться от леворадикальной идеологии и имело поддержку в обществе. У нового поколения такой стартовой позиции не было.

Решение передать Си Цзиньпину весь объем полномочий высшего должностного лица в первые месяцы после избрания генеральным секретарем нарушало сложившуюся практику постепенной передачи постов от одного поколения к другому, но в текущих обстоятельствах выглядело оправданным. Предполагалось, что концентрация власти позволит новому руководству принимать непопулярные, но необходимые решения, сократив возможности для организованного сопротивления внутри партии. Последствия этого шага не замедлили проявиться. Распределение ответственности между поколениями и внутри поколения придавало стабильность политическому механизму и ограничивало всевластие и волонтаризм первого лица. Концентрация полномочий, наоборот, подталкивала к резким и решительным действиям.

По сложившейся практике каждое новое поколение китайских руководителей начинало пребывание во власти с активизации борьбы с коррупцией и проведения кампа-

нии за воплощение «линии масс». Проводимые мероприятия не имели системного характера, оставаясь набором ситуативных мер по очищению и оздоровлению власти, принятию назревших кадровых решений, созданию в обществе атмосферы обновления. Выполнив свои политические функции, через год или немного более они заканчивались.

Начав, как и его предшественники, борьбу с коррупцией, Си Цзиньпин рассматривал ее как важный инструмент легитимизации нового руководства, связывая с ней особые надежды. Вероятно, поэтому с самого начала она приобрела больший, чем прежде, масштаб. Очень скоро, однако, Си обнаружил, что кампания не только сталкивается с ожидаемым сопротивлением, но и приносит весьма скромные результаты. Отсутствие перелома, особенно хорошо заметное на фоне беспрецедентно широких полномочий Си Цзиньпина, подталкивало его к наращиванию усилий. Развиваясь по нарастающей, приобретая массовый характер и захватывая все более высокие сферы, антикоррупционная борьба никак не могла приблизиться к завершению. Выйдя за привычные временные рамки, она переросла масштаб общественно-политической кампании, показав, что задача, которую она призвана решать, имеет не временный, а фундаментальный характер. Это означало, что первоначальный диагноз был поставлен неверно. С самого начала придав кампании более высокое значение, новое руководство перешло невидимую черту и увидело, что проблема серьезнее, а ее корни глубже: коррупция — не досадное отклонение от нормы, а системное социальное явление, возникшее в результате реформ.

Государство, всегда игравшее центральную роль в китайской истории, осуществив рыночные реформы, серьезно сократило свое присутствие в экономике. Приоритет экономического развития способствовал росту обратного влияния экономики на государство, которое выражалось, в первую очередь, в обеспечении чиновниками интересов бизнеса. Модель государства, обслуживающего интересы различных социальных групп, является нормой для западных демократий, однако в Китае государство традиционно имело не обслуживающий, а патронимический характер, в основе которого лежат нравственные ценности, а не экономические интересы и эффективность. Изменение этой природы государства в результате реформ стало главной угрозой социально-политической стабильности.

На начальном этапе Си Цзиньпин пытался восстановить ведущую роль государства традиционным способом, укрепляя личную власть и сосредоточивая в своих руках полномочия. На 3-м пленуме ЦК КПК (2013 г.) он создал и возглавил три новых органа — Совет национальной безопасности, Руководящую группу по углублению реформы и Руководящую группу по Интернету и кибербезопасности. Однако смена экономической модели не подразумевала восстановления центральной роли государства в экономике и возрождения плановых начал. Поэтому на том же 3-м пленуме функции по углублению реформ и смене экономической модели были возложены на рыночные институты. Пленум, таким образом, не стал возвращать государство в центр экономической жизни и ничего не изменил в существовавшей системе отношений, сохранив в неприкосновенности противоречие между рыночной экономикой и государством.

Одновременно энергичные действия по укреплению личной власти и массовому очищению партийно-государственного механизма привели к обратным результатам: не сплотили аппарат управления, а погрузили его в состояние нестабильности, ослабив государство. Нарушение принципов институционального авторитаризма вернуло недостатки классического авторитаризма, с которыми КПК боролась на протяжении всего периода реформ.

Если бы Си Цзиньпин, укрепляя личную власть, не противопоставил себя остальному партийному руководству, возможно, очередной внутриэлитный компромисс со временем был бы достигнут, и проблема взаимоотношений авторитарного государства и рыночной экономики так и осталась невыявленной, продолжая накапливать свой разрушительный потенциал. Но ситуация стала развиваться по другому сценарию. В целях

вернуть государству роль нравственного эталона в декабре 2012 г. были приняты «Правила из 8 пунктов», касающиеся партийного стиля. В июне 2014 г. Си Цзиньпин впервые публично поставил задачу очищения «политической атмосферы», а в декабре выдвинул принцип «4-х всесторонних»: «всесторонне создавать общество средней зажиточности, всесторонне углублять реформу, всесторонне управлять страной в соответствии с законом, всесторонне строго управлять партией». Добавив последний пункт, он ясно указал главную причину тревожных явлений в политической жизни — несоответствие деятельности партии взятым ею на себя историческим обязательствам, что приобретает особое значение накануне приближающегося в 2021 г. юбилея КПК.

Для авторитарного государства главную опасность представляет потеря авторитета власти у населения. Вероятно, первоначально ориентируясь на подготовку условий для смены экономической модели и обострения социально-экономических проблем, Си Цзиньпин столкнулся с основной для китайской истории проблемой — нравственным разложением чиновников, которые перестают отстаивать идею общего блага и подменяют ее личным экономическим интересом. И тогда он понял, что надо спасать партию и государство.

С точки зрения обеспечения интересов партийного единства активная фаза борьбы с коррупцией должна была завершиться до начала предшествующей съезду отчетно-выборной кампании, которая началась в конце 2016 г. Но этого не произошло. Продолжающиеся аресты, а, главное, отсутствие заявлений о ее скором завершении подтверждают, что ставившиеся перед ней цели не достигнуты, а существующие проблемы и противоречия будут вынесены на съезд в нынешнем, остром виде. Последствия этого могут быть непредсказуемыми. Новейшая история КПК знает примеры, когда обсуждение наиболее острых вопросов партийной жизни на высших партийных форумах приводило к смене политического курса и руководства. Именно так на 3-м пленуме ЦК КПК (1978 г.) начались реформы.

На предшествующем этапе реформ центральной задачей партии было создание в социалистическом государстве рыночной экономики. Сейчас такой задачей является выстраивание отношений, но уже не плана и рынка под контролем государства, а государства и рыночной экономики. Для этого нужно не просто единоразовое оздоровление партийного аппарата, а комплекс мер по институализации борьбы с коррупцией, направленной сначала на защиту партии-государства, а потом — на ее реформирование.

6-й пленум ЦК КПК (октябрь 2016 г.) не внес принципиальных изменений в курс нынешнего руководства. Приняв два документа — «Некоторые нормы и принципы внутрипартийной политической жизни в новой обстановке» и «Положение КПК о внутрипартийном контроле», в которых прямо говорится о необходимости институализации борьбы с коррупцией, пленум зафиксировал новый, более высокий статус самого Си, утвердив его в качестве «ядра» нынешнего руководства. В начале января 2017 г. 7-й пленум ЦКПД 18-го созыва принял «Правила работы дисциплинарных органов КПК по контролю за соблюдением дисциплины», создав условия для практической реализации решений пленума.

Формально все эти документы связаны с борьбой с коррупцией, но их принятие накануне XIX съезда КПК ориентирует на глубокую реформу партии. На протяжении предшествующих 38 лет КПК успешно реформировала только систему высшего руководства, сделав ее более эффективной и адекватной требованиям реформ. Сейчас стало ясно, что кризис переживает само государство, неспособное установить гармоничные отношения власти и общества. Все это напоминает традиционный кризис китайского государства: династия исчерпала запас добродетели, и это грозит сменой мандата. Возможно, КПК готовится предпринять попытку решить центральную для китайской истории проблему — восстановить нравственные основы государства, но без смены «правящей дина-

стии». Выполнение этой задачи потребует изменения структуры центральных органов партии и создания новых, что может произойти на XIX съезде КПК.

А.В. Ломанов, д. и. н., главный научный сотрудник ИДВ РАН:

На 6-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва, состоявшемся в конце октября 2016 г. в Пекине, примечательным событием стало двукратное упоминание в его коммюнике о «ЦК партии с товарищем Си Цзиньпином в качестве ядра (*хэсинь*)».

Прежняя формулировка говорила о «ЦК партии с товарищем Си Цзиньпином в качестве генерального секретаря». Так же в партийных документах именовались и его предшественники. Тогда многие эксперты говорили о необратимости движения КПК от централизации власти в руках сильного «лидера-ядра» к более демократичным коллегиальным механизмам управления.

Хотя статус «ядра» является неформальным и не дает конкретных полномочий, на XIX съезде возникнет вопрос о дальнейшем укреплении идеологического авторитета партийного лидера.

В качестве исторического прецедента можно вспомнить состоявшийся в октябре 2007 г. XVII съезд КПК, зафиксировавший промежуточные итоги руководства Ху Цзиньтао. Предстоящий XIX съезд также является промежуточным: Си Цзиньпин должен остаться у власти до XX съезда в 2022 г. В качестве «ядра» партийного руководства он нуждается в формализации своего идейно-теоретического лидерства в еще большей степени, чем Ху Цзиньтао в аналогичный период политической карьеры.

После избрания в ноябре 2012 г. на пост генсека ЦК КПК Си Цзиньпин сделал ряд заявлений, оказавших существенное влияние на развитие официальной идеологии. Первым шагом стало провозглашение «китайской мечты» о «великом возрождении китайской нации», нацеленной на построение богатого и сильного государства, национального возрождения и народное счастье. Благодаря активной пропагандистской кампании в 2013–2014 гг. «китайская мечта» обрела широкую известность в Китае и за рубежом.

Однако этот лозунг вряд ли будет приписан Си Цзиньпину в качестве идейно-теоретической инновации. Сам он неоднократно подчеркивал, что «мечта о возрождении» возникла у прогрессивных китайских деятелей нового времени в середине XIX века.

Пропаганда «китайской мечты» дала импульс «рекитаизации» официальной идеологии. Эта тенденция была особенно заметна в выступлениях Си Цзиньпина в 2014 г. Он подробно рассказывал китайской и зарубежной аудитории о ключевых компонентах традиционной китайской культуры и их современной актуальности. 13 октября 2014 г. на коллективной учебе Политбюро ЦК КПК Си Цзиньпин заявил: «Несколько тысячелетий китайская нация шла по пути цивилизационного развития, отличающегося от других государств и народов. Мы не случайно открыли путь социализма с китайской спецификой, это обусловлено исторической традицией и культурной традицией нашей страны».

Обращения к традиции подчеркивали универсальность идей китайской культуры, их применимость к решению проблем современного мира. На встрече деловых кругов «двадцатки» 3 сентября 2016 г. в Ханчжоу Си Цзиньпин призывал к строительству новой открытой мировой экономики с развитой транспортной инфраструктурой и благоприятным деловым климатом, охарактеризовав ее с помощью цитаты из древней книги «Го юй» («Речи царств») о том, как мудрый правитель Вэнь-гун «облегчил пошлины, взимаемые на заставах, и выровнял дороги, создав удобства для торговли и благоприятные условия для крестьян» (перевод В.С. Таскина — А.Л.).

В 2015–2016 гг. на первое место вышли усилия по пропаганде идеологии китайского социализма. Еще в январе 2013 г. на семинаре в Центральной партшколе Си Цзиньпин заявил, что социализм с китайской спецификой — «это социализм, а не какой-то другой “-изм”, фундаментальные принципы научного социализма нельзя терять,

если их потерять, это уже не социализм» (перевод В.С. Таскина — *А.Л.*). В 2015 г. Си подчеркивал, что те, кто считает излишним бороться за осуществление коммунистического идеала и приносить ради этого жертвы, не являются верными членами партии. В 2016 г. была развернута общепартийная кампания по изучению партийного устава и партийных норм, а также важных выступлений Си Цзиньпина.

6-й пленум ЦК КПК 18-го созыва помимо борьбы с коррупцией был посвящен усилению идейно-воспитательной работы среди коммунистов. В коммюнике пленума подчеркивалось, что «далекий великий идеал коммунизма и общий идеал социализма с китайской спецификой — это духовная опора и политическая душа членов КПК, идейная основа сохранения сплоченности и единства партии». КПК не отказывалась от лозунга движения к коммунизму, новизна этой формулировки заключалась в том, что коммунизм вышел на первое место.

Слияние «рекитаизации» и «рекоммунизации» может привести к появлению в китайском политическом лексиконе переосмысленных древних концепций. В 2021 г. к 100-летию основания КПК в Китае должно быть «завершено всестороннее строительство общества малого благосостояния (*сяокан*)». В 1979 г. Дэн Сяопин превратил восходящее к древней конфуцианской утопии понятие *сяокан* в программный ориентир китайских реформ. После того, как общество *сяокан* будет построено, на первое место может выйти цель построения общества «великого единения» (*датун*), представляющего в китайской традиции более высокую ступень социального развития. Замена *сяокан* на *датун* способна уподобить Си Цзиньпина «архитектору реформ» Дэн Сяопину.

Си Цзиньпин неоднократно высказывался об идеале *датун*, характеризуя его как важный компонент китайской культуры, слияние материального богатства с высокими моральными качествами, как один из истоков китайской традиции миролюбия. 18 января 2016 г. на семинаре кадровых работников провинциального уровня Си Цзиньпин заявил, что «совместная зажиточность» (*гунтун фуяой*) — это «фундаментальная цель марксизма» и одновременно «фундаментальный идеал народа Китая, начиная с древности». Он прямо сопоставил идеи древней утопии (Конфуций, Мэн-цзы, описание *сяокан* и *датун* из главы «Ли юнь» книги «Ли цзи») с представлениями Маркса и Энгельса о коммунистическом обществе. Партийный лидер признал, что эта цель достижима лишь в отдаленной исторической перспективе, и Китай не может двигаться к ней, перескакивая через этапы развития. «Но это не говорит о том, что мы ничего не можем сделать для постепенного осуществления всеобщей зажиточности», — подчеркивал он.

Еще до прихода Си Цзиньпина к власти руководство КПК обещало построить к 100-летию образования КНР «сильное богатое демократическое цивилизованное гармоничное социалистическое модернизированное государство». Формулировка цели выглядит излишне громоздкой. Лозунг *датун* может стать ее привлекательным и запоминающимся синонимом. Через пять лет на XX съезде КПК официальное превращение *датун* в китайскую цель движения к всеобщей зажиточности может ознаменовать триумфальное завершение правления Си Цзиньпина, совпадающее с завершением строительства *сяокан*.

Среди «нумерологических» лозунгов эпохи Си Цзиньпина наибольшие шансы на превращение в компонент нормативной идеологии имеет появившаяся в конце 2014 г. концепция «четырех всесторонних» (*сы э цюаньмянь*). Речь идет о «всестороннем завершении строительства общества *сяокан*, всестороннем углублении реформ, всестороннем продвижении управления страной на основании закона, всестороннем строгом управлении партией». В ходе пропагандистской кампании было подчеркнуто, что заслугой Си Цзиньпина является взаимная увязка социально-экономических задач, проведения реформ, совершенствования государственного управления и борьбы с коррупцией.

Лозунг воспитания «четырех сознаний» (*сы э шиши*) появился после того, как 29 января 2016 г. на заседании Политбюро ЦК КПК было выдвинуто комплексное требо-

вание укреплять «политическое сознание», «сознание общей ситуации», «сознание ядра» (*хэсинь шиши*) и «сознание равнения» (*каньци шиши*). Первые два компонента новыми не являются, а вот о «сознании ядра» и «сознании равнения» в Китае заговорили только в 2016 г. Речь идет об осознании того, что партия является «ядром» китайского социализма, а ЦК — это «ядро» партии; всем следует равняться на ЦК и на генерального секретаря Си Цзиньпина, на партийную теорию и политическую линию, на дух решений XVIII съезда и последующих пленумов. Присвоение Си Цзиньпину статуса «ядра ЦК» позволило включить в «сознание ядра» требование поддерживать генсека партии и решительно защищать его авторитет. Пропаганда «четырёх сознаний» нацелена на предсъездовскую консолидацию партийных рядов.

В докладе ЦК на XVIII съезде КПК был сформулирован лозунг «тройной уверенности» в пути, теории и строе китайского социализма. В речи по поводу 95-летия создания КПК 1 июля 2016 г. Си Цзиньпин трансформировал его в «четыре уверенности» (*сы гэ цзысинь*), добавив требование «уверенности в культуре». Он пояснил, что «уверенность в культуре» является «наиболее фундаментальным, широким и глубоким видом уверенности». По его словам, она опирается на лучшие традиции китайской культуры, созданные за пять тысяч лет развития китайской цивилизации, а также на революционную культуру и передовую социалистическую культуру, выросшие в ходе «великой борьбы партии и народа». Эта формулировка стала отражением тенденции «рекитаизации» китайской идеологии и роста внимания руководства КПК к национальной традиции.

На международной арене Си Цзиньпин продвигает концепции «общности судьбы человечества» (*жэньлэй миньюнь гунтунти*) и «совместного обсуждения, совместного создания и совместного использования» (*гуншиан гунцзянь гунсян*) механизмов глобального управления. В 2016 г. обрело популярность сочетание «китайский план» (*чжунго фанъань*), которое указывает на глобальные инициативы, опирающиеся на обобщение опыта развития Китая. В выступлении по поводу 95-летия КПК Си Цзиньпин заявил: «Члены КПК и китайский народ полностью уверены в том, что в поисках лучшего общественного строя могут предложить человечеству китайский план».

Основная часть сформулированных за годы правления Си Цзиньпина идеологических концепций наверняка войдет в отчетный доклад ЦК на XIX съезде. Можно ожидать канонизации одной из идей Си Цзиньпина в качестве составной части нормативной партийной идеологии наряду с марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина и появившимися в конце правления Цзян Цзэминя «важными идеями тройного представительства» и «научным взглядом на развитие».

Ю.М. Галенович, д. и. н., главный научный сотрудник ИДВ РАН:

С чем, в каком состоянии руководители КПК подходят к XIX съезду? Каковы взаимоотношения человека и власти в современном Китае?

По официально публикуемым в КНР цифрам, экономика государства сегодня должна восприниматься, как вторая в мире. В КНР работает одна из крупнейших фондовых бирж. Много небоскребов в Пекине, Тяньцзине, Шанхае, других городах. На дорогах страны можно увидеть автомобили всех марок. Люди в Китае пользуются последними моделями смартфонов.

В то же время есть много экономических проблем, пути решения которых не найдены при существующем политическом строе. КПК фактически является единственной правящей партией в государстве, контролирует все, что стратегически важно в стране, строго ограничивает право на свободу высказываний, собраний и убеждений. В КНР существует политический режим, которому присущи черты диктатуры. Некоторые эксперты не без оснований считают, что это современный изощренный финансовый тоталитаризм.

После смерти Мао Цзэдуна партия постепенно ослабила контроль над средствами производства и позволила развиваться частному предпринимательству. Руководители

КПК считают, что сейчас они применяют не прежние, существовавшие при правлении Мао, а «неокомандные» методы.

По некоторым сообщениям, государственные предприятия составляют 3% всех компаний в КНР, но производят, по разным оценкам, от 25 до 30% общего объема промышленной продукции. Партия продолжает «руководить» экономикой, сосредоточив в руках номенклатуры все «командные высоты». В КНР произошла своего рода «революция», в результате которой партия сохранила политический режим и использовала его для захвата «командных высот» в экономике страны.

Внешне впечатляющие цифры роста ВВП Китая не вполне соответствуют действительности. Премьер Государственного совета КНР Ли Кэцян в 2007 г. сказал в беседе с американским чиновником, что официальные цифры являются ненадежными. Он предпочитает смотреть на объемы железнодорожных грузовых перевозок, потребления электроэнергии, а также новых кредитов, выданных банками, чтобы правильно оценить экономический рост Китая.

Многие крупные предприниматели в КНР являются членами коммунистической партии. Они входят в законодательные или политические консультативные органы режима. Членство в партии гарантирует преимущества для бизнеса.

События, начиная с 1990 г., показали, что многие члены КПК имеют религиозную веру, что формально запрещено уставом партии.

КПК, по сути дела, является единственным истинным землевладельцем в Китае. Она сдает в аренду земельные участки китайским крестьянам. Завет Сунь Ятсена, обещания лидеров КПК в момент прихода к власти в стране, что земля должна находиться в собственности крестьян, а каждый пахарь должен иметь свое поле, не выполнены до сих пор. Это — одна из крупнейших проблем современного Китая.

Вплоть до настоящего времени в рамках существующего политического режима так и не решен вопрос о правах национальных общин, прежде всего, в Тибете и в Синьцзяне.

Население Китая жестко контролируется партией. В КНР имеется более двух миллионов интернет-полицейских. Их задача состоит в том, чтобы подвергать цензуре общественное мнение, манипулировать им, не пускать в глобальную сеть китайских интернет-пользователей.

Вплоть до последнего времени женщин в Китае заставляли делать принудительные аборт, подвергали стерилизации тех, кто не следует политике ограничения рождаемости. Ныне разрешили иметь второго ребенка. Последствия прежней политики продолжают сказываться. В то же время численность населения продолжает расти быстрыми темпами, не менее чем на 10–15 млн человек в год. Это — еще одна большая проблема для правящей партии.

Диссиденты, члены религиозных общин и рядовые граждане КНР живут под постоянной угрозой быть объявленными политическими противниками режима. Они подвергаются жестокому обращению, пыткам и принудительному труду в местах лишения свободы. Адвокат Гао Чжишэн, которого некоторые называют «совестью Китая», защищавший даже тех, кого КПК считает своими врагами, был обвинен в «подрывной деятельности». Нобелевский лауреат Лю Сяобо, изложивший свои взгляды, предложения по решению многих проблем Китая, находится в тюрьме. Нынешний политический режим КНР практически обеспечивает идеальную скорость осуждения своих политических противников в судах, которые он контролирует. Видные диссиденты после длительного тюремного заключения остаются под домашним арестом.

Конституция КНР гарантирует свободу вероисповедания, но партия игнорирует собственные законы. Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь почти до конца 1990-х годов, считал, что можно разрешить в Китае практику религиозной ветви буддизма, которая именуется «фалуьнгун», использовать ее в интересах присущего исключи-

тельно Китаю самобытного социализма, но затем в 1999 г. создал специальные органы для преследования тех, кто практиковал «фалуныгун».

Мао Цзэдун, осуществив «культурную революцию», разрушил веру многих людей в Китае в идеалы коммунизма. Дэн Сяопин выдвинул призыв «обогащайтесь наперегонки», в результате чего в Китае у многих была подорвана вера в традиционные нравственные ценности. На месте идеологии образовалось белое пятно. В этой ситуации и возникло движение «фалуныгун», которое вовлекло в свою орбиту десятки миллионов людей. По численности оно соперничало с КПК. Все это говорит о вероятности создания в Китае при определенных условиях религиозной политической партии.

Формально в Китае, помимо КПК, есть еще несколько небольших партий. Однако практически КПК — единственная правящая партия в КНР с 1949 г. Остальные партии фактически существуют на средства, выделяемые из бюджета государства, и зависят от КПК.

Генеральный секретарь ЦК КПК не создает свой кабинет министров, действует в рамках Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, который принимает все главные решения в стране. Генеральный секретарь ЦК КПК выдвигается на пост в результате согласования позиций групп руководителей, представляющих части партийной и военной элиты, которые могут быть настроены в пользу приоритета местных интересов перед интересами страны в целом.

Главным содержанием того, что происходит в КПК накануне очередного съезда партии, является борьба за власть. При этом очевидно, что КПК не представляет собой монолит, а существует и правит в силу договоренностей между собой различных ее частей. Свою роль продолжают играть военачальники, в среде которых также нет единства. При определенных условиях они могут выступать в союзе с гражданской частью местных элит.

В КПК всегда существовала и продолжает существовать альтернатива: несмотря на действия того, кого именуют «великим вождем» или «ядром» руководителей партии, его деятельность ограничена другими силами внутри ее руководства. Поэтому решения, принимаемые от имени руководства партии, являются компромиссными.

Внутри партии существует почти всеобщее понимание того, что в стране, где столько проблем, необходимы изменения кардинального характера. При этом без политических изменений невозможны существенные изменения в экономике.

Ныне у власти находится последнее поколение, выросшее в эпоху правления Мао Цзэдуна. КПК не прочно находится у власти в стране, а удерживается у нее. В прежние годы внутри партии всегда существовала альтернатива. При этом Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь представляли одну сторону, а Лю Шаоци, Ху Яобан, Чжао Цзяян, Вэнь Цзябао — другую. Поэтому до сих пор в КПК существует возможность таких преобразований внутри самой партии, что она или возникшее из части ее нынешних членов иное политическое образование сможет осуществить необходимые стране политические и экономические реформы. Для этого необходимо, чтобы к власти пришли представители линии, альтернативной линии Мао.

Правление нынешнего генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина происходит под лозунгом: возродить величие великой нации Китая. Это свидетельство обращения Си Цзиньпина к идеалам, которые, с его точки зрения, будут приемлемы для населения на практике, и устремлены не в будущее, а в прошлое.

Первые несколько лет своего правления Си Цзиньпин посвятил в основном борьбе за укрепление собственного положения у власти, борьбе с теми, в ком видит противников его единоличного правления.

Нынешние руководители КПК взяли из марксизма главное, позволяющее прочно удерживаться у власти, то есть политический режим диктатуры, тоталитаризма, который они пытаются приспособить к нынешним китайским условиям. Номенклатура стремится

сохранять возникшее во времена правления Мао Цзэдуна положение, при котором власть ни за что не несет ответственности перед народом. Власть без ответственности — основополагающий принцип нынешнего политического режима в КНР.

В связи с предстоящим очередным съездом КПК, вероятно, произойдут значительные перемены в руководстве партии. Пять из семи членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК могут быть отправлены на пенсию. Могут уйти, по крайней мере, две пятых нынешнего состава Политбюро и более половины членов и кандидатов в члены ЦК.

Си Цзиньпин делает все, чтобы ввести во властные и законодательные органы своих сторонников. Это тем более относится к военной власти. Одним из приемов, которыми он пользуется, является утверждение о стремлении наказывать разложившихся чиновников, взяточников. Си Цзиньпин дал указание, что, начиная с мая 2015 г., Верховный суд и местные судебные органы должны принимать все уголовные жалобы, тогда как ранее такие жалобы могли отклоняться без объяснения причин.

Нарушения прав человека в КНР продолжают происходить. В 2015–2016 гг. арестовали более 300 адвокатов по правам человека и приговорили к длительным тюремным заключениям мирных активистов.

Многие наблюдатели полагают, что главная борьба внутри руководства КПК происходит между сторонниками Цзян Цзэминя и Си Цзиньпина. При этом утверждают, что Си Цзиньпин был назначен генеральным секретарем ЦК КПК в 2012 г. на XVIII съезде партии в результате компромисса между Ху Цзиньтао и Цзян Цзэмином. Если это так, то и в настоящее время Цзян Цзэминь, которому идет 91-й год, все еще имеет достаточное влияние для продвижения своих людей в Постоянный комитет Политбюро, чтобы связывать действия Си Цзиньпина.

В последнее время Си Цзиньпин создает новую государственную комиссию по надзору за чиновниками в Пекине, Шанхае, провинции Чжэцзян. При этом он пытается гарантировать место в ПК Политбюро ЦК КПК для Ван Цишаня, который, несмотря на пенсионный возраст, может остаться, так как он, с точки зрения Си Цзиньпина, внес огромный вклад в искоренение коррупции и, следовательно, является незаменимым. К тому же, он может получить более широкие полномочия как глава нового органа по борьбе с коррупцией — Государственной комиссии по надзору, которая не зависит от исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти и даже от КПК, что позволяет Си Цзиньпину действовать как бы вне нынешней системы.

Это наводит на мысль, что ситуация в стране, партии и ее руководстве такова, что прежняя структура власти не обеспечивает интересы тех, кто находится в ней. Понятия, которыми они руководствуются, требуют создания новой структуры власти. Какой она будет, может показать будущий съезд партии.

Содержание коммюнике состоявшегося 24–27 октября 2016 г. очередного пленума ЦК КПК отражало обеспокоенность руководства КПК сохранением существующего политического режима. Все это вместе взятое говорит о крайней обеспокоенности Си Цзиньпина своим положением у власти в партии и в стране.

Речь Си Цзиньпина на пленуме была посвящена политической жизни партии сегодня, контролю внутри партии. Это свидетельствовало о том, что Си Цзиньпин и все руководство КПК обеспокоены состоянием партии, ситуацией внутри нее, отсутствием должной сплоченности. Ее можно рассматривать как обращение Си Цзиньпина к рядовым членам партии в общей борьбе против поведения партийной номенклатуры.

В коммюнике говорилось о «великом знамени самобытного социализма Китая», из чего следовало, что для нынешних руководителей КПК речь идет об их собственном социализме, исключая какие бы то ни было союзнические отношения с кем бы то ни было на его платформе. Формально связи между КПК и партиями других стран, именующими себя коммунистическими или социалистическими, допустимы, но как связи с

чем-то «внешним», чужим, не «союзническим» с Китаем. Если кто-то хочет присоединиться к нации Китая, к КПК, то может быть воспринят в качестве попутчика, признающего КПК и китайскую нацию в качестве единственного и бесспорного полноправного руководителя.

Особо подчеркивалось значение взглядов и политики Си Цзиньпина, говорилось о важности и обязательности решений последних пленумов ЦК партии, проходивших при его руководстве, перечислялись новации Си Цзиньпина: новая стратегия управления государством и др. Обращалось внимание на необходимость того, чтобы партия, прежде всего, занималась партией, то есть положением внутри себя. На практике это означает, что Си Цзиньпин намерен в ходе подготовки к съезду сформировать новый, устраивающий его состав ЦК и его руководящих органов.

Далее речь шла о сконцентрированном едином руководстве ЦК партии, где самым главным должно считаться мысль об одном государстве, одной партии и, очевидно, об «одном ядре» руководства. Централизация, доведенная до высшей точки, вертикаль власти с Си Цзиньпином как его вершиной или ядром — вот что требуется сегодня, с точки зрения самого Си Цзиньпина. Очевидно, что многие беды и проблемы Китая он видит в недостатке централизации власти в одном центре, в одних руках.

От членов партии требуются дисциплина и честность. И то, и другое, с точки зрения Си Цзиньпина, хромает, и с этим необходимо покончить в процессе подготовки к съезду. От членов партии требуется также быть слугами народа, а не чиновниками и господами. И это свидетельствует об отрыве номенклатуры и самой партии от населения страны, особенно в сельской местности, то есть об определенном и существенном отрыве партии от крестьян.

Очевидно, что в партии ослаблено сочетание коллективности руководства и личной ответственности каждого за свой участок работы. При этом оказались практически забытыми положение о рядовых членах партии как о субъекте, право каждого члена партии знать о ситуации, право участия, право избирать, право контролировать, положение о равноправии всех членов партии. Одним из распространенных явлений в КПК в настоящее время стала покупка постов. На это также обращено внимание в коммюнике пленума.

Чрезвычайно важным является и следующее положение: «никому не дозволено обращаться с кадрами партии как со своей частной собственностью» (*«жэнь хэ жэнь доу бу чжунь ба дан ды гань бу дан цзо сы ю цай чань»*). Очевидно, что это обращено к тем руководителям внутри партии, которые узурпируют некую часть руководства партией и государством в ущерб власти самого Си Цзиньпина.

В коммюнике говорилось, что внутри партии под ее контролем должно находиться все, не должно быть запретных зон. Это положение появилось, поскольку ныне такие зоны существуют, а это означает, что партия фактически разделена на «наделы», в каждом из которых правит тот или иной «феодал», или «собственник». Именно по этой причине в документе подчеркивается, что главным объектом контроля должны быть главные руководители. Си Цзиньпин призвал к некоей «культурной революции» внутри КПК, к борьбе против «неправильных», с его точки зрения, «главных руководителей». Подчеркивается, что такую борьбу следует вести на основе закона.

Документ завершается призывом «сплотиться вокруг ЦК партии с товарищем Си Цзиньпином в качестве ядра; защищать авторитет и единое руководство ЦК, бороться за непрерывное создание новой обстановки в деле строительства самобытного социализма в Китае».

В целом ощущается нарастание комплекса проблем, многие из которых не имеют решения теми методами, которые применяют нынешние власть имущие. Главная среди них — проблема соотношения человека и власти. В настоящее время положение является ненормальным, потому что человек в Китае лишен каких бы то ни было прав и сво-

боды. Со временем это неизбежно вызовет взрыв недовольства и, вероятно, перемену ситуации, когда власть будет вынуждена подчиняться интересам человека, уважать его достоинство, права и свободу в области политики, экономики, культуры.

Накануне XIX съезда КПК хотела, чтобы внутри страны и на мировой арене ее воспринимали как авангард китайской нации. Мысль о нации Китая — ядро идеологии КПК. Возрождение великой нации Китая и его национальное величие — вершина современной идеологии КПК. В этом смысле партия обращена в прошлое. Она говорит о возрождении прошлого, великого прошлого.

Одновременно современная идеология КПК предлагает человечеству нечто общее. Вместо прежней марксистской идеологии, лозунга «пролетарии всех стран, соединитесь» и объединения трудящихся, рабочих и крестьян всех стран, выдвигается мысль о единстве всех людей на Земле в ходе осуществления экономической глобализации. Нация Китая выдвигает идею экономической глобализации, предлагая себя в ходе глобализации в качестве наилучшего управляющего делами человечества. Предлагается признать право и способность нации Китая, ее авангарда КПК осуществлять глобальное управление глобальными делами. Речь идет о том, что «Китай будет делиться своим опытом государственного управления со всеми странами мира». «При помощи китайской программы и полных китайской мудрости мер по реформированию системы глобального управления Китай берет на себя большую ответственность в этой сфере»¹⁰.

Наконец, неотъемлемой составной частью идеологии КПК является «концепция мирового сообщества с единой судьбой»¹¹. Это мысль об общности судьбы человечества, различных его частей. Имеется в виду общность судьбы каждой нации, ряда наций того или иного региона и всех наций на Земле с нацией Китая. Фактически выдвигается лозунг: «нации всех стран объединяйтесь» при понимании того, что это должно осуществляться под руководством великой нации Китая, китайского государства. Человечеству предлагается находиться в «зоне Шелкового пути», примкнуть к движению нации Китая, видя в предложенных нынешним руководством КПК сухопутных и морских коридорах центральный инструмент и средство достижения общности судьбы наций всего мира с нацией Китая.

О.Н. Борох, к. э. н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН:

Одной из ключевых тем при подготовке XIX съезда КПК выступает стратегия экономического развития. Си Цзиньпин взял разработку курса экономических преобразований в свои руки, возглавив руководящую группу ЦК КПК по всестороннему углублению реформ, созданную в 2013 г. по решению 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва. Партийный лидер стал источником новых реформаторских идей, несколько снизив тем самым влияние премьера Ли Кэцяна и структур Госсовета КНР. Эти перемены создали предпосылки для интеграции шагов в сфере экономики в общую концепцию реформ, которую разрабатывает Си Цзиньпин.

Публикации китайских СМИ и его выступления в конце 2016 — начале 2017 г. дают возможность выявить ключевые тезисы, способные послужить основой для экономического раздела отчетного доклада ЦК XIX съезду КПК.

Из 10 важнейших публикаций газеты «Жэньминь жибао» на специальной странице веб-сайта «Жэньминьван» в 2016 г. три посвящены проблемам экономики. 4 января 2016 г. была опубликована беседа о содержании «структурной реформы предложения». В конце года вышли две обобщающие публикации.

14 ноября 2016 г. «Жэньминь жибао» опубликовала статью «Три года всестороннего углубления реформ». В ней подчеркивалось, что 3-й пленум ЦК КПК поставил именно такую задачу, на 4-м пленуме были приняты решения в области государственного управления и правовой системы, 5-й пленум ЦК утвердил новые концепции развития и планы 13-й пятилетки, а на 6-м пленуме ключевой темой стала внутривнутрипартийная дисциплина. Си Цзиньпин сравнил проведение реформ со строительством здания: в первые

три года готовят площадку, отбирают материалы, устанавливают столбы и балки. И вот теперь в год проведения съезда подготовительная фаза завершилась, каркас новой реформы собран, начинаются практические действия.

В экономическом развитии возникли новые дилеммы. Китай вышел на средний уровень доходов, однако растут опасения попасть в «ловушку» наподобие других стран, развитие которых останавливалось на этом уровне. При проведении структурной реформы нужно будет сокращать производственные мощности и ограничивать кредитование, одновременно обеспечивая людям минимальный уровень жизни. Реформы должны приносить китайцам «чувство обретения новых выгод». В прошлом ситуацию можно было описать как «оптимум по Парето», когда улучшалось положение всех участников рынка. Теперь приходится использовать «критерий Калдора» и добиваться того, чтобы совокупный позитивный эффект от проведения реформ был достаточно велик и позволял за счет общего улучшения экономической ситуации компенсировать потери проигравших групп.

Сегодня в Китае придается особое значение тезису о необходимости сконцентрировать усилия на главном направлении: нельзя расплывать ограниченные ресурсы без учета приоритетов, следует браться за «главное противоречие» и «главное звено».

Опубликованная в «ЖЭньминь жибао» 14 декабря 2016 г. статья «Новые координаты китайской реформы» указала на постепенное снижение темпов роста китайской экономики с 7,7% в 2012 г. до 6,7% в третьем квартале 2016 г. За годы реформ под влиянием краткосрочных факторов темпы роста трижды падали ниже 8% (1979–1981, 1989–1990 и 1998–1999 гг.), однако на этот раз замедление является долгосрочным. Такова объективная ситуация «новой нормальности», к которой нужно адаптироваться.

Возвращение к высоким прежним темпам невозможно, говорится в статье, поэтому следует руководствоваться «пятью концепциями развития», утвержденными на 5-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва. В ней подчеркнута, что эти концепции возникли исходя из наиболее явных противоречий в условиях «новой нормальности». Китаю нужно искать новые двигатели роста, проводить оптимизацию экономической структуры, учитывать воздействие экономического развития на окружающую среду, компенсировать сокращение традиционных преимуществ дешевой рабочей силы и ресурсов наращиванием преимуществ открытости. Расширение доступа населения к результатам реформы может мобилизовать общественную активность и поддержку преобразований.

В статье отмечается, что произошедшие экономические изменения не позволяют продолжать движение прежним путем, однако новый путь еще не найден. Важность новых концепций развития заключается в том, что «инновации позволяют избежать отступления, координация — диспропорций, “зеленое развитие” — проблем в экологии, открытость — замкнутости, общедоступность — социальной нестабильности».

В китайской экономике накопились структурные проблемы, в ряде отраслей есть избыток мощностей и вместе с тем в большом объеме импортируется ключевое оборудование. «Структурная реформа предложения» должна помочь преодолеть эти дисбалансы. Ее проведение в 2016 г. уже привело к сокращению мощностей в стальной и угольной промышленности. Это позволило увеличить прибыли производителей, изменилась ситуация, когда «продавать уголь было менее выгодно, чем картошку», а «цены на сталь упали до уровня цен на капусту».

Заседание Политбюро ЦК КПК 9 декабря 2016 г. было посвящено проблемам экономической работы в 2017 г., включая структурную реформу предложения в сельском хозяйстве и долгосрочное оздоровление рынка недвижимости с помощью налоговых инструментов и проведения политики урбанизации. Предпосылкой для продолжения структурных реформ в ключевых отраслях является поддержание социальной стабильности. Лейтмотивом заседания стал курс на «продвижение вперед в условиях стабильности». В комментарии агентства «Синьхуа» подчеркивалось, что эта тема постоянно поднималась на совещаниях по экономической работе, состоявшихся после XVIII съезда КПК.

Новизна декабрьского заседания Политбюро состоит в том, что в его материалах «продвижение вперед в условиях стабильности» было повышено до уровня «важного принципа» государственного управления.

Эта формулировка заслуживает внимания исследователей, поскольку она может быть включена в документы КПК в качестве личного вклада Си Цзиньпина в развитие партийной идеологии. В выступлении 26 января 2017 г., накануне китайского Нового года по лунному календарю, Си Цзиньпин заявил, что XIX съезд КПК «нарисует новый проект для дела социализма с китайской спецификой». Он призвал партию, армию и народ всей страны руководствоваться марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина, важными идеями тройного представительства и научным взглядом на развитие, «следовать новым концепциям, новым идеям, новой стратегии государственного управления ЦК партии, придерживаться основного лейтмотива продвижения вперед в условиях стабильности».

Концепции «государственного управления» были упомянуты после «научного взгляда на развитие», ставшего идеологическим итогом правления Ху Цзиньтао. Косвенным образом это указывает на возможность превращения «государственного управления» в ключевой символ правления Си Цзиньпина и квинтэссенцию «нового проекта» китайского социализма.

Китайский лидер уделяет большое внимание разработке и интерпретации политики экономических преобразований. 22 января 2017 г. Политбюро ЦК КПК провело 38-ю коллективную учебу, посвященную углублению «структурной реформы предложения». В ходе ее Си Цзиньпин подчеркнул, что продвижение этой структурной реформы является «неизбежным выбором» для вступившей в этап «новой нормальности» экономики Китая. По его словам, в 2017 г. предстоит углубление «структурной реформы предложения», поэтому проведение коллективной учебы было нацелено на то, чтобы оценить ее эффект, выяснить основные моменты и трудности.

Си Цзиньпин указал на разнообразие факторов, сдерживающих экономическое развитие, отметив, что «главное противоречие» находится на стороне предложения. Он пояснил, что следует урегулировать отношения правительства и рынка таким образом, чтобы рынок играл решающую роль, и в этом заключается главный принцип продвижения реформы предложения. В стратегии нужно вести затяжную войну и продвигаться вперед в условиях стабильности, осуществляя «проектирование сверху», в тактике — вести бой на уничтожение и заниматься реальными делами. Китайский лидер предупредил: «Бабочке всегда больно вылупляться из кокона, кратковременная боль при структурной реформе предложения неизбежна, нельзя из-за боли не продвигаться вперед». Он призвал разумным образом направлять ожидания общества, держать под контролем и сокращать болезненные эффекты, заниматься долгами предприятий и трудоустройством уволенных сотрудников, защищать социальную гармонию и стабильность. В то же время необходимо создавать новые стимулы экономического развития.

В выступлении Си Цзиньпина прозвучал призыв к урегулированию отношений «сложения» и «вычитания». В рамках концепции «структурной реформы предложения» «вычитание» означает уменьшение низкокачественного и неэффективного предложения, сокращение мощностей, запасов, снижение долговой нагрузки и освобождение пространства для развития. «Сложение» указывает на расширение эффективного предложения, восполнение узких мест, развитие новой техники. Китайский лидер отметил, что «вычитание» нельзя проводить «под одну гребенку», оно должно быть адресным и «не наносить лишних ран». При «сложении» надо избегать искусственного стимулирования и распыления усилий, не допускать появления новых дублирующих проектов.

У экономических воззрений Си Цзиньпина есть не только внутреннее, но и внешнее измерение, связанное с разработкой китайского подхода к глобальному экономическому управлению. 17 января 2017 г. в выступлении на Всемирном экономическом

форуме в Давосе он осудил призывы отказаться от экономической глобализации и поставил в пример Китай, сумевший преодолеть сомнения и принять решение о вступлении в ВТО. По словам Си Цзиньпина, стимулом к росту замедлившейся мировой экономики должны стать инновации. Следует формировать открытую модель сотрудничества и выступать против протекционизма, обеспечить развивающимся странам более значительное представительство и право голоса в процессе создания справедливой и рациональной модели глобального управления.

Си Цзиньпин отметил, что Китай получает выгоду от глобализации и вносит в нее свой вклад, быстрый рост китайской экономики продвигает вперед и стабилизирует мировую экономику.

На XIX съезде КПК китайскому руководству необходимо отразить изменения, связанные с замедлением темпов роста китайской экономики и началом проведения глубоких структурных преобразований. С большой вероятностью в материалы съезда войдут предложенные Си Цзиньпином в 2014–2015 гг. тезисы о вступлении экономики Китая в «новую нормальность» и необходимости осуществления «структурной реформы предложения».

Ю.Ю. Перепелкин, старший научный сотрудник ИДВ РАН:

Борьба с коррупцией и расточительством в партийно-государственном аппарате рассматривается пятым поколением китайского руководства как важнейшая задача в деле преодоления кризиса доверия в обществе. Си Цзиньпин уже в своем первом выступлении в качестве нового руководителя КНР заявил: «Наша партия сталкивается с многочисленными и серьезными вызовами, а внутри партии имеется много насущных проблем, которые мы должны решить. В первую очередь, это коррупция, оторванность от народа, формализм и бюрократизм, которые создаются некоторыми партийцами».

Антикоррупционную кампанию Си Цзиньпина называют беспрецедентной. Для этого существуют все основания. Прежде всего, это ее размах. По данным китайских и западных СМИ, за 2012–2016 гг. партийным и административным дисциплинарным взысканиям подверглось свыше одного миллиона чиновников (при их общем количестве в КНР 7,4 млн). По судебным делам о коррупции, взяточничестве и пренебрежении должностными обязанностями в 2012–2015 гг. привлечено к ответственности около 130 тыс. человек¹².

Резко возросло количество высокопоставленных кадров, ставших мишенью антикоррупционной кампании Си Цзиньпина: после XVIII съезда КПК около 200 чиновников уровня руководства министерств, провинций и выше попали под следствие по подозрению в коррупции.

Широко известны имена наиболее высокопоставленных субъектов антикоррупционной кампании: бывший член ПК Политбюро ЦК КПК Чжоу Юнкан, бывший член Политбюро Бо Силай, бывшие члены Политбюро и бывшие заместители председателя Центрального военного совета КНР Сюй Цайхоу и Го Босюн, бывший заместитель председателя Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая (ВК НПКСК), глава отдела Единого фронта ЦК КПК Лин Цзихуа. Все вышеперечисленные лица приговорены к пожизненному заключению, кроме Сюй Цайхоу, который умер во время следствия.

При этом год от года число высокопоставленных подозреваемых расширяется. В 2016 г. прокурорские органы Китая предъявили обвинения 48 бывшим госслужащим министерского уровня и выше. В число лиц, в отношении которых были проведены расследования, вошли бывший секретарь комитета КПК пров. Ляонин Ван Минь, бывший начальник Государственного статистического управления Ван Баоань, бывший замсекретаря комитета КПК Пекина Люй Сивэнь и др. Среди лиц, которым были предъявлены обвинения, — бывший заместитель председателя ВК НПКСК Су Жун, бывший заместитель председателя Комиссии по экологии и природным ресурсам Все-

китайского собрания народных представителей Бай Эньпэй, бывший глава парткома пров. Хэбэй Чжоу Бэньшунь и ряд других. Начато расследование в отношении экс- мэра г. Тяньцзинь Хуан Синго.

Качественный и количественный масштабы антикоррупционной кампании логично привели китайское руководство к необходимости признания существования коррупционных группировок. Впервые за несколько десятилетий руководство КПК призвало к борьбе с фракциями, кликами и группировками в партийно-государственном аппарате. Антикоррупционная кампания приобретает характер открытой политической борьбы. Собственно, пятое поколение руководителей Китая изначально предвидело данное обстоятельство: Си Цзиньпин на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва прямо говорил о том, что «группы сложившихся интересов» представляют собой главную угрозу для современного этапа китайских реформ.

В целях преодоления сопротивления данных групп руководство КНР реализует ряд организационных и юридических мер, направленных в первую очередь на борьбу с круговой порукой чиновников на местах. Так, создана новая «властная вертикаль» в системе Центральной комиссии по проверке дисциплины (ЦКПД), которая позволяет соответствующим местным органам функционировать независимо от парткомов, что повышает статус местных комиссий и усиливает контроль Центральной комиссии над ними.

Верховная народная прокуратура КНР (ВНП) вводит разделение административной и судебной юрисдикции прокурорских органов ниже провинциального уровня. Создается межрегиональная прокуратура по служебным преступлениям. В ноябре 2016 г. было принято решение о проведении в экспериментальном порядке реформы государственной системы контроля в Пекине и провинциях Шаньси и Чжэцзян, где местные СНП будут избирать комитеты контроля.

Еще одной отличительной чертой нынешней антикоррупционной кампании стал ее международный аспект. Власти Китая активно развивают международное сотрудничество по поимке коррумпированных чиновников, скрывающихся за границей, и по возврату незаконно полученных ими денежных средств. Китай стремится к созданию глобальной сети антикоррупционного сотрудничества и рассматривает вопрос о разработке законодательных актов, касающихся международной правовой помощи в уголовных делах. КНР как страна-участница Конвенции ООН по борьбе с коррупцией инициировала международное сотрудничество в рамках АТЭС и G-20.

Эти усилия китайского руководства уже приносят заметные результаты. С 2014 по сентябрь 2016 г. из 70 стран и регионов мира было возвращено 2210 бежавших преступников, в том числе 363 бывших чиновника. Возвращены незаконно выведенные средства в размере 8 млрд юаней (около 1,3 млрд долл. США).

Китай установил отношения сотрудничества в борьбе с коррупцией с 89 странами мира, подписал с зарубежными странами 57 соглашений о взаимной правовой помощи и 48 договоров об экстрадиции. Для трансграничного розыска беглых чиновников, совершивших должностные преступления, действует Китайско-американская объединенная группа связи по сотрудничеству в области исполнения законодательства, а также региональные механизмы прокурорского взаимодействия.

Текущая антикоррупционная кампания в Китае характеризуется значительным масштабом и степенью охвата партийных, государственных, военных, корпоративных элит. Она сопровождается комплексом мероприятий организационно-юридического характера, включая международное сотрудничество.

Китайское руководство рассматривает борьбу с коррупцией как неотъемлемую часть всего комплекса проводимых реформ. По его мнению, борьба с коррупцией является эффективной гарантией «всеобъемлющего верховенства закона», истинным проявлением «всестороннего строгого внутрипартийного управления», а также предпосылкой и гарантией «всестороннего строительства среднезажиточного общества».

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что сверхзадачей антикоррупционной политики Си Цзиньпина является формирование в КНР такой правящей партии, которая более соответствовала бы изменяющимся условиям развития Китая. Новая экономическая модель требует обновленной политической надстройки.

В данном контексте представляется обоснованным предположение, что на грядущем XIX съезде КПК в ее Уставе могут быть закреплены положения, существенно ужесточающие требования к поведению и образу жизни членов партии, а также расширяющие полномочия органов партийного контроля.

Предвестниками подобных изменений можно считать решения 6-го пленума ЦК КПК 18-го созыва: «Некоторые нормы внутрипартийной политической жизни в новой ситуации» и «Положение КПК о внутрипартийном контроле». Как отмечает журнал «Китай» в этих документах в общей сложности более 200 пунктов касаются упорядочения поведения руководящих кадров, которым «следует должным образом строить отношения со своими родственниками и подчиненными сотрудниками, сознательно сохранять чистоту общественных связей, повседневного окружения, круга друзей, категорически запрещается привносить товарно-денежные обменные отношения в политическую жизнь и работу»¹³.

А.С. Давыдов, к. и. н., заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока», ведущий научный сотрудник ИДВ РАН:

Вызывает большой интерес содержание и тон проходящей дискуссии. Высказано много глубоких мыслей о характере и путях развития Китая в связи с предстоящим XIX съездом КПК. Однако КНР существует и развивается не в вакууме. Влияние на ее развитие оказывает не только внутренняя ситуация в стране, но и окружающая внешняя среда.

Вопрос о продолжении развития взаимовыгодных отношений с США в формате не только торгово-экономических, но и геополитических связей, безусловно, станет одним из важнейших во внешнеполитической повестке КНР в преддверии съезда. Это озвучивают в Пекине и прекрасно осознают в Вашингтоне.

В одной из своих последних монографий «Вызов Китая», посвященной глобальной роли КНР и возникающим в этой связи опасениям, бывший заместитель помощника государственного секретаря США по проблемам Восточной Азии и Тихого океана, а ныне профессор Принстонского университета (Нью-Джерси) Томас Кристенсен задал читателям два вопроса, которые, по его мнению, являются ключевыми и требуют скорейшего ответа:

1) Как преодолеть трудности, связанные с подъемом наращивающего мощь Китая в АТР — регионе, имеющем большую глобальную значимость?

2) Как убедить крупную, но пока развивающуюся страну с резко националистическим креном в необходимости ее вклада в развитие современной международной системы?

За полтора года, прошедшие со времени выхода в свет этой монографии, ответ, по крайней мере, на второй вопрос дал сам Китай. Им стала заявка на активное участие страны в глобальном управлении, озвученная министром иностранных дел КНР Ван И, выступившим с формулой проведения Китаем «политики великой державы с китайской спецификой».

Как отмечалось в статье «Внешняя политика Китайской Народной Республики в 2016 г.», опубликованной заместителем директора ИДВ РАН, главным редактором нашего журнала В.Я. Портяковым, «Китай взял на себя инициативу продвижения более справедливой и разумной глобальной политической и экономической системы, предлагая свои варианты решений в сфере глобального управления»¹⁴. При этом китайская дипломатия добилась «всестороннего повышения места, влияния и институциональных прав страны в трансформации международной системы»¹⁵.

Видные политологи в КНР утверждают, что китайский подход к проблеме глобального управления не противоречит американскому, а дополняет его. Не заменяя, но реально совершенствуя созданный и руководимый США механизм, Китай стремится к активному участию в строительстве и реформировании действующего международного порядка.

До недавнего времени, однако, он не слишком тяготел к тесному вовлечению в глобальное управление в сфере безопасности, отдавая предпочтение экономическим и гуманитарным его рычагам. Но в последнее время с приходом к власти в КНР команды Си Цзиньпина вопросы активизации роли и влияния Китая на мировой арене, упрочения им лидерских позиций не только в глобальной экономике, но, прежде всего, в мировой политической системе вышли на первый план.

Одним из теоретических обоснований такого сдвига может считаться разработанная китайскими политологами теория «морального реализма», призванная узаконить претензии КНР на роль универсального глобального лидера. На наш взгляд, это отнюдь не разворот на 180 градусов от известного постулата из двух с лишним десятков иероглифов, принадлежащего Дэн Сяопину, о необходимости «копить силы, оставаясь в тени», а его органическое продолжение и развитие, поскольку Дэн в свое время ограничивал период «накопления Китаем сил» двумя-тремя десятилетиями, которые уже позади. Кроме того, он был далек от мысли о «накоплении ради накопления», смысл такого усиления он видел в последующем выходе своей страны в мировые лидеры.

В нынешних условиях наиболее острый интерес представляет вопрос о том, как заявка Китая на участие в глобальном управлении не только в экономической сфере, но и на политическом уровне будет сопрягаться с интересами его главного мирового оппонента — Соединенных Штатов Америки. Особенно на фоне прихода к власти в США администрации Дональда Трампа.

Объявленное им намерение ужесточить позицию США в отношении КНР, по мнению СМИ, гипотетически может вылиться в самые разнообразные варианты развития событий «с трудно предсказуемыми последствиями, вплоть до катастрофических». По крайней мере, так ставится вопрос во многих средствах массовой информации — от американских до китайских, включая российские. Безусловно, у американо-китайских отношений при Трампе существует значительный конфликтный потенциал, как, впрочем, и не меньшие перспективы активизации и углубления сотрудничества.

Еще до инаугурации Д. Трампа между ним и Си Цзиньпином состоялся телефонный разговор, продемонстрировавший, по признанию обоих, «взаимное уважение сторон друг к другу», результатом чего стала договоренность о проведении в ближайшем будущем личной встречи двух лидеров и поддержании тесных контактов для налаживания диалога. (Такая встреча состоялась 6–7 апреля 2017 г. во Флориде).

Одним из первых распоряжений Трампа-президента стал указ о выходе США из Транстихоокеанского партнерства. А ведь именно это межрегиональное объединение Китай рассматривал как структуру, созданную для противодействия его торговым интересам. Примечательно, впрочем, что противником договора о ТТП была и Х. Клинтон, которая в случае избрания вполне могла бы поступить аналогичным Трампу образом.

Приход Трампа во власть происходил в непростой для мира период на пике глобальной турбулентности. События на Ближнем Востоке, на Украине, обеспокоенность в ряде европейских стран, испытывающих миграционные переизбытки, предвыборная борьба в ФРГ и Франции, сулящая пока политические и экономические неопределенности, породили ощущение шаткости и нестабильности.

В самой Америке президентские выборы ознаменовались сменой политических элит: на смену «спекулятивным» финансовым группам типа Сороса — апологетам глобализации — к власти пробилась представители индустриального капитала — инвесторы реальных производственных секторов экономики. Это способствовало усилению в США

тенденции к ограничению международной миграции, сокращению масштабов «гастарбайтерства» и расширению возможностей трудоустройства для коренного населения.

Активизация антиглобалистских настроений влечет стремление к укреплению внутренних рынков, росту и развитию отечественной индустриальной базы, разрыву международных торговых договоренностей, чреватых для США экономическими потерями, отказу от спекулятивных сделок. Отсюда идея Трампа о наложении 45-процентной пошлины на товары из Поднебесной, об увеличении добычи собственной нефти и сокращении ее импорта и, как результат, о «возрождении американской нации на новой более крепкой основе».

Следствием подобных намерений могло бы стать естественное ограничение и сокращение американской экспансии вовне, в том числе, на Ближний Восток. Главной целью там было провозглашено не столько свержение режимов, так или иначе препятствовавших доступу США к обладанию местными нефтяными запасами, а борьба с исходящей оттуда реальной террористической угрозой, которую, по замыслу американских стратегов из штаба Трампа, предпочтительнее вести под контролем США.

Нельзя утверждать, что примерно того же не хотел Обама, у которого, вопреки обхаиванию его нашими СМИ, имелся целый ряд существенных внутри- и внешнеполитических достижений, включая нормализацию отношений с Кубой. Но главной причиной его проигрыша стала приверженность идеологизированному подходу.

В отличие от Обамы Д. Трамп — абсолютный прагматик и, видимо, реалист. Он не намерен потратить ни цента без гарантии 100-процентной отдачи от этих трат. И если прагматизм и реализм Трампа возобладают в итоге над идеологизированными принципами прежней администрации, картина мира может поменяться. Причем в отношениях с КНР его будут больше интересовать экономические проблемы, нежели политические.

В связи с этим возникает два вопроса:

1) За кем будет окончательная победа — за финансовыми или промышленными группами, и способны ли они в определенных случаях идти на компромиссы?

2) Какими методами будет действовать Трамп: окажется ли он достаточно гибким или пойдет напролом? Его неуступчивость может усугубить ситуацию и привести ее на грань конфликта.

Первый год Трампа во власти совпадает с важнейшим для Китая внутривнутриполитическим событием — XIX съездом КПК. Некоторые эксперты полагают, что именно он может усложнить двусторонние китайско-американские отношения, которые «станут жертвой» упоминавшихся выше споров в США о глобальной торговле, стоимости доллара, протекционизме и т.п. Высказываются предположения о неизбежности грядущего американско-китайского конфликта, который повлечет срыв модернизации в КНР и похоронит т.н. «китайскую мечту» — цель, к которой стремится Си Цзиньпин.

На фоне настроений и намерений «антиглобалиста» Трампа «маслом в огонь», казалось бы, можно было считать слова, сказанные в сентябре прошлого года в Нью-Йорке премьером Госсовета КНР Ли Кэцяном: «Хотя в настоящее время некоторые антиглобалисты активно выступают против глобализации, это лишь временная трудность. Надо преодолеть проблемы, не отказываясь от нее».

Но в этих словах есть свой резон. Китаю с его проектами «шелковых путей» сподручно извлекать выгоды на обоих треках: он держит в своих руках американские долги. По разным подсчетам — от 1,2 до 1,8 трлн долл. Таким образом, если возобладают финансисты-глобалисты, он продолжит «игры с юанем», одновременно наращивая экономическую, финансовую и военную мощь. Если верх окажется за сторонниками индустриального лобби, он станет манипулировать обладанием американского долга или шантажировать им. Во внешнеэкономическом плане для КНР все может сложиться плохо. Главное, чтобы не подвела внутризэкономическая ситуация!

Согласно подсчетам экспертов, по состоянию на 2015 г. государственный долг КНР составлял 23 трлн долл. по сравнению с 17,6 трлн долл. госдолга США. Стремительный рост китайского госдолга явился, по их мнению, «расплатой за ускоренный экономический рост». Этот и некоторые другие параметры развития КНР заставили специалистов сделать вывод о том, что на фоне экономических неурядиц последних лет в среднесрочной перспективе Пекин не обгонит Вашингтон, даже если ВВП США будет расти по 1–2%, а ВВП КНР — по 5–6% в год. И только через 15–20 лет объем китайской экономики приблизится к объему американской. В настоящее время двусторонняя торговля обеих стран превышает 550 млрд долл. и при сохранении нынешних темпов роста к 2024 г. превысит 1 трлн долл. США.

Таким образом, для Китая главный вопрос будет заключаться в том, станут ли темпы роста его амбиций опережать рост его совокупной мощи? А для США главным, видимо, будет соотношение между пользой от конфронтации с КНР и выгодой, получаемой от конструктивного сотрудничества с этой страной.

И, наконец, самый ключевой вопрос — это Тайвань. Разговор Трампа с президентом Тайваня вызвал массу откликов и комментариев. Одни сочли его началом «новых отношений» между КНР и США, безусловно, со знаком «минус». Другие рассматривают как некое шоу, показательную демонстрацию.

Известно, однако, что в США наряду с влиятельным протайваньским лобби сохраняются и действуют сильные проКНР-овские настроения, особенно среди тех могучих деловых кругов, которые задействованы в бизнесе с континентальным Китаем. И никто из принадлежащих к ним не даст Трампу порушить то, что нарабатывалось на протяжении десятилетий. На деле реальный протайваньский крен, чреватый разрывом с КНР, может иметь для нового президента самые тяжелые последствия.

Другое дело, что разговор Трампа с Цай Инвэнь можно трактовать и как первый шаг к поиску развязок в решении ряда геополитических проблем, в частности, тайваньской и даже корейской, составляющих в целом проблему т.н. «разделенных наций». Очевидно, что эти взрывоопасные очаги нестабильности в зоне непосредственных интересов США будут беспокоить американского президента с самого начала его деятельности. Он недаром дал Китаю понять, что рассчитывает на его помощь в урегулировании с Северной Кореей.

Фирменным стилем нового американского президента как бывшего представителя крупных деловых кругов вполне может стать «геополитическая торговля» — предложение одного в обмен на другое, например, Тайваня в обмен на объединение Корейского полуострова. Начиная с заведомо неприемлемых для конкурента действий, Трамп может пытаться таким образом выторговывать у Китая более выгодные для США условия «сделки» ради будущего взаимодействия. Для прагматика Трампа в этом нет ничего постыдного. Тем более что новое — это всего лишь хорошо забытое старое. Стоит вспомнить в этой связи американо-китайское сближение начала 1970-х годов в интересах геополитического ослабления СССР.

К.В. Антипов, старший научный сотрудник ИДВ РАН:

Потенциальные изменения во внешней политике КНР, способные повлиять на решения XIX съезда КПК, в настоящее время находятся, главным образом, под воздействием **внешних** факторов. Многие из них расцениваются в Пекине как неблагоприятные и осложняющие возможность дальнейшего развития Китая с опорой на процессы глобализации. Несомненно, важнейшее значение среди них имеют нынешние трансформации в политике США, связанные с приходом в Белый дом администрации президента Трампа. В качестве нового значимого фактора рассматривается усиление международной роли и влияния России, наметившееся улучшение российско-американских отношений и укрепление позиций РФ в треугольнике КНР — Россия — США.

Некоторые влиятельные китайские эксперты, например Янь Сюэтун, считают назревшей определенную корректировку традиционных подходов Китая к политике неприсоединения и невмешательства, которые уже в течение ряда лет рассматриваются ими как препятствие для наращивания наступательности политики КНР, развития ее международных военных связей и т.д. Новые установки съезда могут определить и по вопросам применения силовой политики за рубежом — тем более, что соответствующие нормативные изменения, предусматривающие такую возможность, в законодательство Китая уже введены.

Вместе с тем, в повестку съезда могут быть включены вопросы, которые отражают новые достижения, укрепившие международное положение Китая за последние годы, и произошедшие качественные изменения в положении КНР на мировой арене. В их число могут войти, например, концептуальное закрепление статуса КНР в качестве не просто «крупной», а великой державы, а также определение ее роли в качестве одного из лидеров мировой политики.

В выступлении Си Цзиньпина в Давосе 17 января 2017 г. четко просматривалась линия, в соответствии с которой Китай выступает на международной арене как великая держава, готовая принять ответственность за дальнейшее развитие процесса экономической глобализации и поддержание мира, безопасности и международной стабильности. Как разъяснял в январе этого года один из ведущих китайских теоретиков Ян Цземань, определение Китая лишь в качестве «крупной державы» ранее было сознательно использовано как временная терминология переходного этапа, и уже не соответствует реальному значению и роли страны.

Следует отметить, что требование утвердить новую трактовку статуса КНР в качестве великой державы и соответствующим образом строить внешнюю политику все чаще выдвигается в общественно-политических кругах Китая. Однако этот вопрос продолжает вызывать публичные дискуссии, свидетельствующие о сохранении значительно влияния прежних подходов, построенных на известных заветах Дэн Сяопина.

Так, по свидетельству профессора Янь Сюэтун, в дебатах, проходивших в Пекине накануне XVIII съезда КПК, вопрос о принятии Китаем большей ответственности в своей международной деятельности подавляющим большинством китайских экспертов все еще рассматривался как «враждебная инициатива», направленная на истощение ресурсов КНР, ослабление ее международного авторитета и т.п.

Несмотря на то, что с приходом к власти в Китае пятого поколения руководителей во главе с Си Цзиньпином во внешней политике Пекина были закреплены новые, по существу наступательные подходы к решению задач за рубежом, трактовка ряда важных внешнеполитических установок все еще носит неоднозначный характер. В результате официально КНР по-прежнему следует политике невмешательства и неприсоединения, однако XIX съезд КПК может внести корректировки, расширяющие диапазон участия Китая в международной деятельности за пределы традиционных рамок.

Особое внимание на съезде КПК должно быть уделено оценке промежуточных результатов выдвинутых Си Цзиньпином в 2013 г. так называемых двух инициатив, известных теперь под названием «Один пояс, один путь» и объединивших идеи создания «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». Этот прогноз основан на том, что в течение последних лет «две инициативы» играли центральную, интегрирующую роль в общей стратегии развития внешней и внутренней политики Китая, они включены в план 13-й пятилетки развития КНР. На данном этапе концепция «двух инициатив» является основой дальнейшего продвижения интересов КНР в русле глобализации. В партии и государстве на высшем уровне созданы механизмы управления строительством «Одного пояса, одного пути». По словам министра иностранных дел КНР Ван И, более 100 стран и международных организаций выразили готовность поддержать инициативу и присоединиться к ней. Китай подписал соглашения о сотрудничестве с бо-

лее чем 40 странами и международными организациями. Однако, будучи официально выдвинутыми уже после XVIII съезда КПК, то есть за рамками высшего партийного форума, инициативы, оказывающие прямое влияние на положение КНР и многих стран мира, должны получить поддержку и закрепление в решениях XIX съезда китайской компартии. Стоит обратить внимание и на то, что ряд экспертов КНР в последнее время высказались о необходимости «перезагрузки» политики «Одного пояса, одного пути», придания ей новых импульсов и даже создания ее нового формата — «Один пояс, один путь 2.0». Это свидетельствует о возможности предстоящей дискуссии на съезде по вопросам совершенствования основополагающей стратегии Китая.

По-видимому, стоит также отметить постоянно возрастающее в предсъездовский период внимание партийного руководства и лично Си Цзиньпина к вопросам теоретической деятельности и совершенствования работы мозговых центров Китая по вопросам внешней политики. Складывается впечатление, что в условиях осложняющейся международной обстановки китайская дипломатия стремится укрепить свои позиции и усилить наступательную активность на базе идей, отвечающих принципам «выхода вовне». Самое главное, что в обстановке наметившихся осложнений в отношениях с США в Китае предпринимаются практические, в том числе — организационные, кадровые шаги, направленные на своего рода конвергенцию теоретических представлений китайских ученых с концепциями зарубежных мыслителей. Об этом свидетельствуют недавно принятые решения о стимулировании участия в данной работе граждан КНР, получивших образование и теоретическую подготовку на Западе, а по существу — о включении их в элиту китайской политологии, работающую над развитием международной стратегии Китая.

Один из главных вопросов, на который предстоит ответить съезду, — каким образом в условиях усиливающегося процесса деглобализации могут и должны быть продолжены реформы в Китае и политика его «выхода вовне»?

Представляется, что на данном этапе ключевым моментом в решении Пекином этого вопроса является выход из наметившихся осложнений в отношениях с США.

Реакция китайской стороны на приход к власти Дональда Трампа и его администрации, по мнению ряда крупных американских сиологов, показала, что такой исход выборов в США в значительной мере явился тревожной неожиданностью для Пекина. Однако ретроспективный анализ имеющихся материалов показывает, что в Китай уже достаточно давно поступали сигналы о возможном повороте в китайско-американских отношениях, связанном с отставанием уровня политического взаимодействия от продвинутого торгово-экономического сотрудничества.

Так, еще в 2015 г. известный американский ученый Дэвид Лэмpton отмечал, что приближающийся «переломный момент» может стать началом перехода «от отношений сотрудничества к отношениям конфронтации». О развитии неблагоприятных тенденций в двусторонних отношениях в 2016 г. предупреждал и Генри Киссинджер. Ожидания неизбежной конфронтации между США и КНР были характерными для многих представителей американского политического истеблишмента, активно обсуждавших перспективу оказаться вместе с Китаем в так называемой ловушке Фукидида. Примечательно, что обеспокоенность возможностью серьезного регресса в отношениях публично проявлялась больше в США, чем в общественных кругах КНР.

Тем не менее на высшем политическом уровне КНР и лично Си Цзиньпином в ходе встреч с президентом Обамой были предприняты крупные шаги с целью сдерживать развитие негативных процессов и продвинуть концепцию отношений нового типа, первоначально специально разработанную для нейтрализации конфронтационных тенденций в китайско-американских отношениях. При этом позиция Китая исходила из необходимости обеспечить, прежде всего, в отношениях двух держав «взаимное уважение», то есть отказ США от попыток изменить общественно-политический строй

в КНР, гарантировать взаимное признание национальных интересов, суверенных прав и территориальной целостности. Однако декларативное согласие США с пожеланиями китайской стороны установить «отношения нового типа» на практике не привело к снятию напряженности в ряде важнейших вопросов, и эта тема осталась открытой для поиска новых подходов.

В русле этих представлений в Китае сформировалась точка зрения, согласно которой основные «разногласия» в китайско-американских отношениях были сфокусированы на двух проблемах: Южно-Китайском море и кибербезопасности. Однако избрание президентом США Дональда Трампа показало, что главный источник противоречий сейчас находится в социально-экономической сфере, и разрешение этих противоречий по рецептам администрации Трампа предполагает перелом не только в китайско-американских отношениях, но и в глобальных тенденциях развития, а по существу — ломку сложившегося миропорядка, который перестал устраивать американское общество.

Примечательно, что глубина и масштабы надвигающихся проблем не были осознаны в Китае после прихода Трампа в Белый дом, а его предвыборные заявления еще некоторое время воспринимались как обычная популистская риторика, обреченная на забвение. Из публикаций последних месяцев очевидно, что экспертные круги в Пекине в течение достаточно длительного времени строили свои оптимистические прогнозы главным образом на оценке ряда долгосрочных факторов в китайско-американских отношениях, на статистических данных о растущем сотрудничестве, не уделяя должного внимания не только сложившейся диспропорции между политической и экономической составляющими китайско-американских взаимосвязей, но и усиливающемуся дисбалансу в рамках торгово-экономического сотрудничества, социальным аспектам и поддержанию паритета взаимной выгоды. Что касается китайской дипломатии, то она, по-видимому, также исходила из того, что в отношениях с США сложились прочные основания, и временные осложнения, как это уже неоднократно случалось в прошлом, не смогут поколебать китайско-американское сотрудничество.

Однако, как отмечали в Брукингском институте в январе 2017 г., уже первоначальные шаги Трампа по реализации своих предвыборных обещаний вынудили Пекин безотлагательно провести срочные и достаточно масштабные мероприятия, направленные на установление контактов с самим Трампом, а также членами его семьи и ближайшим окружением. Среди этих мероприятий стоит особо отметить встречу Трампа с Ма Юнем, президентом компании «Alibaba Group» и основателем крупнейшей китайской платформы электронной торговли. Примечательность этой встречи состоит, в частности, в том, что предложение, сделанное Трампу Ма Юнем об использовании его компании для создания в США одного миллиона новых рабочих мест, не только отвечало деловым интересам компании «Alibaba» и ее американских партнеров, но прежде всего прямо соответствовало политическим интересам президента США и его предвыборным обещаниям. Обе стороны высоко оценили результаты этой встречи, которая, несомненно, повлияла на последующие заявления Трампа о намерении строить тесные и конструктивные отношения с Китаем. Освещая контакты Трампа, членов его семьи, сотрудников его администрации с представителями китайской стороны, американская печать отмечала, что хотя общественное мнение в США в значительной степени связывает симпатии президента и его близких с Россией, теперь обнаруживаются их достаточно давние и устойчивые деловые связи и с китайскими предпринимателями, наличие у них общих деловых интересов, финансовых обязательств, совместного бизнеса с зятем и помощником Трампа в Белом доме Д. Кушнером и т.п.

Идеи о необходимости использовать особенности мировоззрения и другие личностные характеристики Трампа и деловые интересы его семьи для стабилизации китайско-американских отношений и формирования дополнительных опор сотрудничества между двумя странами достаточно быстро получили распространение в публикациях ки-

тайских экспертов. Наиболее часто китайские авторы рекомендуют привлекать американский бизнес к сотрудничеству на объектах «Шелкового пути», открывая соответствующие возможности для американских инвесторов. Судя по заявлениям представителей Белого дома о стратегической ошибке, допущенной администрацией Обамы, сопротивлявшейся созданию Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, взаимопонимание между КНР и США по этому вопросу теперь будет установлено. Не исключено, что объектом сотрудничества может стать программа Трампа по развитию инфраструктуры США, рассчитанная на 10 лет и предусматривающая привлечение до одного триллиона долларов инвестиций. По мнению американских экспертов, осуществление этой программы маловероятно без участия китайских капиталов, однако полноценному включению Китая в данную программу могли бы препятствовать нынешняя установка Трампа «Америка — прежде всего» и нежелание привлекать в США значительные контингенты иностранных специалистов. Что касается обвинений в адрес китайских компаний и политики Китая в целом в одностороннем использовании результатов глобализации в интересах КНР, в снижении уровня жизни в США и росте безработицы, то позиция китайских представителей состоит в том, что виноваты в этом сами деловые круги США, присваивающие основную часть доходов от сотрудничества с Китаем и нарушающие принципы справедливого распределения общественных благ.

В то же время для китайской стороны становится все более очевидным, что попытки включить дополнительные ресурсы дипломатии, чтобы отстоять сложившиеся форматы китайско-американских отношений и найти возможность урегулирования возникших проблем на пути уступок и компромиссов, могут иметь лишь временный и частичный успех. Поступающая из США информация убеждает, что «феномен Трампа» — это не случайный эксцесс избирательной системы США, а вполне закономерная реакция американцев на осложнение социальной обстановки в стране, на ослабление международных позиций Америки и падение авторитета политики либеральных кругов.

Даже крупная инициатива Ма Юня по увеличению количества рабочих мест в США, как считают некоторые китайские специалисты, способна лишь на время приглушить недовольство американских деловых кругов сложившимся торговым дисбалансом в размере 300 млрд долл., сохраняющимися тарифными и нетарифными ограничениями на китайском рынке, отсутствием взаимности и паритета в инвестиционных возможностях, неравным предоставлением визовых возможностей и т.д.

Как полагают в США, желаемые изменения на китайском рынке могли бы произойти в случае реализации решений 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва, открывавших возможность сбалансированного и взаимовыгодного развития китайско-американских отношений, однако они не были выполнены. Сформировавшаяся структура сотрудничества оказалась более выгодной китайской стороне, чем США. И разрешение этой ситуации в отношениях может потребовать серьезных усилий и времени.

Как отмечала бывший министр торговли США Барбара Франклин, результаты состоявшихся выборов в США и предстоящий XIX съезд КПК могут сделать 2017 «годом перемен» в китайско-американских отношениях. Очевидно, что отход от наметившейся конфронтации потребовал бы от КНР и США принятия крупных инновационных решений не только по вопросам делового сотрудничества, но и в области политических, военных и иных связей, в том числе за пределами двустороннего формата. Все это свидетельствует о том, что вопросы развития китайско-американских отношений могут занять видное место в повестке XIX съезда КПК.

Прошедшие месяцы после избрания Трампа президентом США показали, что в Пекине намерены придерживаться сбалансированной, сдержанной и в то же время наступательной линии как во внешней политике в целом, так и в отношениях с США. Однако конкретное содержание этой политики будет во многом определяться возможностями

ми сторон объективно оценивать перспективы своих отношений в контексте принятой на себя глобальной ответственности.

Вместо послесловия

19 апреля 2017 г. лидер КПК и КНР Си Цзиньпин был единодушно избран делегатом XIX съезда Коммунистической партии Китая от провинции Гуйчжоу.

1. *Цянь Дуцзя*. Шицзю да цянь пайси цявэйчань чунсинь сипай : [В преддверии 19 съезда фракционная борьба вновь обострилась] // Цяньшао. 2016. № 6. С. 18–23.
2. *Ли Юаньцунь*. Гаоцэн хухуань шицзю да хуйфу цзю чанвэй чжи : [Среди высшего руководства раздаются призывы на 19-ом съезде КПК восстановить систему 9 членов Постоянного комитета Политбюро] // Чжэнмин. 2016. № 11. С. 18–19.
3. См., например: Си Цзиньпин цзай шэн бу цзи чжюяо линдао ганьбу сюэси гуаньчэ шиба цзе лю чжун цюаньхуэй цзиншэн чжуаньти яньтаобань кайму ши шан фабяо чжуньяо цзянхуа : [Си Цзиньпин выступил с важной речью на церемонии открытия курсов первых руководителей провинций и министерств Центрального правительства по изучению и проведению в жизнь решений 6 пленума ЦК КПК 18-го созыва] // Жэньминь жибао. 14.02.2017.
4. Оценка самого китайского лидера.
5. *Фэн Иянь*. Шицзюда жэньши ляо чжунцзе «кунбу пинхэн» : [Кадровые итоги 19-го съезда, полагаю, покончат с «равновесием страха»] // «Цяньшао». 2016. № 11. С. 10–16.
6. *Чжао Динци*. Дэн сянчао жу мао шицзянь дэ юйцин цзи фэньси : [Общественное мнение и анализ инцидента с оскорблениями Дэн Сянчао в адрес Мао Цзэдуна] // Хун гэ хуэй ван. 08.02.2017. URL: <http://www.szhgh.com/Article/opinion/zatan/2017-02-08/130322.html>.
7. *Юань Вэйцзин*. Шэнь фань цзо дэ ганьжао цзуай чжунго фачжань : [Необходимо остерегаться того, что влияние левых будет тормозить развитие Китая] // Ячжоу чжоукань. 05.03.2017. URL: http://www.yzzk.com/cfm/content_archive.cfm?id=1487821669326&docissue=2017-09.
8. *Чжао Динци*. Указ. соч.
9. Дуйхуа Чжан Хунлян: чжунгун сюйяо цзянькан цзопай лилян : [Диалог с Чжан Хунляном: КПК помогли бы здоровые левые силы] // Довэй синьвэнь ван. 02.02.2017. URL: <http://china.dwnews.com/news/2017-02-02/59797473.html>.
10. Жэньминь жибао. 15.01.17.
11. Там же.
12. Китай. 2016. № 12 (134). С. 22.
13. Там же. С. 29.
14. *Портяков В.Я.* Внешняя политика Китайской Народной Республики в 2016 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 1. С. 4–12.
15. Там же. С. 5.